

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ РУКОПИСЕЙ

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

ФИРДОУСИ

РУСТАМ И СУХРАБ

(Из эпоса «ШАХНАМЕ»)

Издательство ЦК КП Узбекистана
Т а ш к е н т — 1979

Редколлегия: Х. С. Сулейманов, Ш. М. Шамухамедов (составитель), Дж. Джаббаров, Б. С. Пармузин (редактор), И. Ш. Шагулямов.

Эпопея великого таджикско-персидского поэта Абулькасима Фирдоуси (XI век) „Шахнаме“ пронизана симпатией к простым людям, рассказывает о их любви к родине, о борьбе с иноземными захватчиками, мире и дружбе между народами.

В эту книгу включена одна из частей выдающейся эпопеи — поэма „Рустам и Сухраб“.

70404—5
Ф—М—357 (06)—79

© Издательство ЦК КП Узбекистана, 1979 г.

ФИРДОУСИ

Абулькасим Фирдоуси (934—1025) родился в семье разорившегося аристократа-землевладельца в селении Бадж, близ города Туса, бывшей столицы древних княжеств Хорасана.

Уже во время многолетней службы в армии Фирдоуси начал интересоваться жизнью народа, его бытом, историей, собирал и изучал народные предания, легенды, писал стихи.

Данных о жизни поэта сохранилось очень мало.

В 976 году Фирдоуси начал работать над огромной эпопеей «Шахнаме», ставшей одним из выдающихся памятников мировой культуры, жемчужиной восточной поэзии. По преданию, Фирдоуси посвятил этому труду 30—35 лет жизни, создав около 60 тысяч бейтов (двустихий).

Поэмы, вошедшие в «Шахнаме», пользовались сразу с момента их появления огромной популярностью.

Изучая эпос, предания, мифы, легенды народов Средней Азии и Ирана, Фирдоуси решил в эпическом полотне как бы сконцентрировать 4000-летнюю историю народа, его культуру.

Условно принято делить эпопею на три части: мифическую, героическую, историческую.

В первой использованы в переработанном виде древние мифы, во вторую часть включены сказания о богатырях, третья посвящена хронике событий. Как писал Гёте: «Фирдоуси предпринял изложение всех общественных и государственных событий прошлого, легендарных и исторических...»

Хотя эпопея носит название «Шахнаме» — «Книга царей» и композиционно делится на 50 так называемых царствований («падишахи»), основной ее идеей является возвеличивание родины, силы и мощи народа, его настоящих героев.

Вся эпопея пронизана симпатией к людям труда, в первую очередь к крестьянам.

Эти симпатии, гуманизм Фирдоуси особенно ярко выражены в лирических отступлениях, прославляющих человека, его разум, храбрость, честность. В эпопее звучит протест против деспотизма, гнета и несправедливых войн.

Фирдоуси призывает правителей заботиться о простых людях, не облагать их непосильными податями при стихийных бедствиях, защищать от произвола чиновников.

Утопическая идея справедливого, мудрого, миролюбивого владыки становится краеугольным камнем социально-этической концепции Фирдоуси. Вековые мечты народа о мудром правителе находят свое отражение в образах справедливых царей, отдающих жизнь за свободу родины, в образах народных героев, сильных, верных, мужественных, готовых на подвиг во имя родины, друга или любимой.

Таковы и легендарные герои поэмы, вошедшей в настоящую книгу.

Поэма «Рустам и Сухраб» считается одним из лучших произведений Фирдоуси.

Великий поэт, закончив «Шахнаме», преподнес свой труд правящему в то время султану Махмуду Газнеvidу. Правитель отрицательно отнесся к эпосе, содержание которой противоречило его деспотической политике.

За огромный труд поэт не только не получил вознаграждения, но подвергся преследованиям, и ему пришлось бежать из родной страны.

По преданию, Фирдоуси выступил с обличительной сатирой на султана Махмуда.

Глубина мысли, простота языка, реалистические способы изображения событий и героев, удивительная афористичность многих бейтов делает «Шахнаме» поистине народным произведением.

Поэт затрагивает в эпосе философские и социальные проблемы, воссоздает судьбу народа, его героев.

Эпос «Шахнаме» вошла в сокровищницу мировой литературы, и бессмертные строки Фирдоуси звучат ныне на языках многих народов.

Ш. ШАМУХАМЕДОВ,
лауреат Международной премии Фирдоуси

Теперь я о Сухрабе и Рустаме
Вам расскажу правдивыми устами.

Когда палящий вихрь пески взметет
И плод незрелый на землю собьет,—

Он прав или неправ в своем деянье?
Зло иль добро — его именованье?

Ты правый суд зовешь, но где же он?
Что — беззаконье, если смерть — закон?

Что разум твой о тайне смерти знает?..
Познания путь завеса преграждает.

Стремится мысль к вратам заветным тем...
Но дверь не открывалась ни пред кем.

Не ведает живущий, что найдет он
Там, где покой навеки обретет он.

Но здесь — дыханье смертного конца
Не отличает старца от юнца.

Здесь место отпавленья в путь далекий
Влачимых смертью на аркане рока.

И это есть закон. Твой вопль и крик
К чему, когда закон тебя настиг?

Будь юношей, будь старцем седовласым —
Со всеми равен ты пред смертным часом.

Но если в сердце правды свет горит,
Тебя в молчанье мудрость озарит.

И если здесь верна твоя дорога,
Нет тайны для тебя в деяньях бога.

Счастлив, кто людям доброе несет,
Чье имя славой доброй процветет!

Здесь расскажу я про отца и сына,
Как в битву два вступили исполина.

Рассказ о них, омытый влагой глаз,
Печалью сердце наполняет в нас.

ОХОТА РУСТАМА И ЕГО ВСТРЕЧА С ШАХОМ САМАНГАНА

Я, от дихкан слыхав про старину,
Из древних сказов быль соткал одну:

Открыл Рустаму как-то муж молитвы
Дол заповедный, место для ловитвы.

С рассветом лук и стрелы взял Рустам,
Порыскать он решил по тем местам.

На Рахша сел. И конь, как слон могучий,
Помчал его, взметая прах сыпучий.

Рустам, увалы гор преодолев,
В Туран вступил, как горделивый лев.

Увидел рощу, травяное поле
И там — онагров, пасшихся на воле.

**Зарделся лик дарителя корон
От радости. И рассмеялся он.**

**Погнал коня за дичью дорогою,
Ловил арканом, настигал стрелюю.**

**И спешился, и пот с лица отер,
В тени деревьев разложил костер.**

**Ствол дерева сломил слоновотелый,
Огромный вертел вытесал умело.**

**И, насадив онагра целиком
На вертел тот, изжарил над костром.**

**И разорвал, и съел всего онагра,
Мозг выбил из костей того онагра...**

**Сошел к ручью, и жажду утолил,
И лег, и обо всем земном забыл.**

**Пока он спал в тени, под шум потока,
Рахш на лужайке пасся одиноко.**

**Пятнадцать конных тюрков той порой
Откуда-то скакали стороной.**

**Следы коня на травах различили
И долго вдоль ручья они бродили.**

**Потом, увидев Рахша одного,
Со всех сторон помчались на него.**

**Они свои арканы развернули
И Рахшу их на голову метнули.**

**Когда арканы тюрков увидал,
Рахш, словно лютый зверь, на них напал.**

**И голову он оторвал зубами
У одного, а двух убил ногами.**

Лягнул, простер их насмерть на земле,
Но шея Рахша все ж была в петле.

И турки в город с пленником примчались,
Все горожане Рахшем любовались.

В табун коня-красавца отвели.
Чтоб жеребята от него пошли.

Я слышал: сорок кобылиц покрыл он,
Но что одну лишь оплодотворил он.

Проснулся наконец Рустам и встал.
И Рахш ему ретивый нужен стал.

Он берег обошел и дол окрестный;
Но нет коня, и где он — неизвестно.

Потерей огорченный Тахамтан
Пошел в растерянности в Саманган.

И думал горестно: «Теперь куда я
Отправлюсь пеший, от стыда сгорая,

Кольчугой этой грузной облачен,
Мечом, щитом и шлемом отягчен?

Как выдержу я тяжкий путь в пустыне?
Ведь радоваться будут на чужбине,

Враги смеяться будут, что Рустам
Проспал коня в степи и сгинул сам.

Вот мне пришлось в бессилии признаться!
Мне из печали этой не подняться.

Но все же препояшусь и пойду;
Быть может, хоть следы его найду...»

Седло и сбрую он взвалил на плечи,
Вздыхнул: «О муж, непобедимый в сече!

Таков закон дворца, где правит зло:
То — ты в седле, то — на тебе седло».

Кипели мысли в нем, как волны моря.
Пошел и на следы попал он вскорее.

Он в Саманган пришел. Там — у ворот,
Узнав, его приветствовал народ.

Весть небывалая достигла шаха
И всех вельмож — носителей кулаха,

Что исполни Рустам пришел пешком,
Что по следам идет он за конем.

Столпились все, ему навстречу выйдя,
И изумились все, его увидя.

И восклицали: «Это кто? Рустам?
Иль это солнце утреннее там?»

Почетным строем воинство построая,
Рустама шах с поклоном встретил стоя.

Спросил: «Ответь нам, о вселенной цвет!
Кто нанести тебе решился вред?»

Но здесь мы все добра тебе желаем,
Но все твоей лишь воли ожидаем.

Весь Саманган перед тобой открыт,
И все у нас тебе принадлежит!»

Рустам поверил, слыша это слово,
Что нет у шаха умысленья злого.

Ответил он: «В степи, пока я спал,
Неведомо куда мой Рахш пропал.

От той злосчастной речки безымянной
Следы ведут к воротам Самангана.

Дай повеленье разыскать коня.
Воздам я щедро, знаешь ты меня.

Но горе, если Рахш мой не найдется!
И слез и крови много здесь прольется».

Ответил шах: «О избранный судьбой!
Кто враждовать осмелится с тобой?

Будь нашим добрым гостем! Ты ведь
знаешь —
Все будет свершено, как ты желаешь!

Сегодня пир тебя веселый ждет,
Сегодня отрешимся от забот.

Беду такую в гневе не исправить,
А лаской можно и змею заставить

Наружу выйти из норы своей.
Таких, как Рахш, в подлунной нет коней,

Его не спрячешь. Завтра, несомненно,
Найдем мы Рахша, пахлаван вселенной!»

И радовался Тахамтан-Рустам,
Внемля точившим мед царя устам;

Счел, что на пир к царю пойти достойно,
И во дворец вошел с душой спокойной.

Надеялся, что Рахша царь найдет,
Поверил, что коня он обретет.

Был гость на возвышение златое
Посажен с честью в царственном покое.

Вельмож и полководцев шах позвал,
Чтоб гость в кругу достойных восседал.

И приготовили столы для пира,
Украсили для пахлавана мира.

Чредою виночерпии пришли,
Кувшины вин и чаши принесли.

Плясуньи черноглазые влетели,
И зазвучали чанги и свирели.

И звуки сладких струн, и пляски дев
В груди Рустама погасили гнев.

Вот упился вином Рустам усталый,
И встал он — ибо время сна настало.

Тут отвели его на ложе сна,
Благоухающее, как весна.

И благодатным сном без сновидений
Почил он от трудов и треволнений.

**ПОСЕЩЕНИЕ РУСТАМА
ДОЧЕРЬЮ ШАХА.
РУСТАМ БЕРЕТ В ЖЕНЫ ДОЧЬ ШАХА
САМАНГАНА — ТАХМИНУ**

Лишь стража ночи первая сменилась
И звездной песней полночь огласилась,

Пред неким тайным словом отперлась
Дверь спальни и бесшумно подалась.

Рабыня со свечой благоуханной
Явилась там пред ложем Тахамтана.

За ней вошла прекрасная луна;
Как солнце дня, светла была она.

Два лука — брови, косы — два аркана,
В подлунной не было стройнее стана.

Пылали розы юного лица,
Как два прекрасных амбры продавца,

Ушные мочки, словно день, блистали,
В них серьги драгоценные играли.

Как роза с сахаром — ее уста:
Жемчужин полон ларчик нежный рта.

Она рубином перлы прикрывала,
Вся, как звезда любви, она сияла.

Безгрешна телом, мудрая душой —
Она казалась перн неземной.

Рустам, ее увидя, в удивленье
Вознес творцу молитву восхваленья.

Потом спросил он: «Как тебя зовут?
Чего ты темной ночью ищешь тут?»

«Я Тахмина, — красавица сказала. —
Мечом печаль мне сердце растерзала.

Я дочь царя. Мой благородный род
От львов и тигров древности идет.

Нет средь царей мне пары во вселенной —
Средь жен и дев слыву я несравненной,

Хоть, кроме слуг ближайших и отца,
Никто не видел моего лица.

С младенчества я о тебе узнала,
С волнением рассказам я внимала,

Как пред могучею твоей рукой
Трепещут лев, и тигр, и кит морской;

Как темной ночью ты — и утром рано —
Охотишься один в степях Турана,
Онагров жарить над своим костром,
Среди врагов проходишь белым днем,
В пустыне спишь, где хочешь, — крепким
сном,
И небо стонет пред твоим мечом.
Когда ты палицей своей играешь,
Ты сердце льва в смятенье повергаешь.
Орел, увидев лук в руке твоей,
Добычу выпускает из когтей.
Твоей стрелою кит смертельно ранен,
И тигр твоей петлею заарканен.
Когда разит в бою твоя рука,
Рыдая, плачут кровью облака.
Такие речи с детства — то и дело —
Я слышала. И втайне я хотела
Увидеть эти плечи, этот стан,
И сам явился к нам ты в Саманган!
Коль пожелаешь ты — твоей я стану.
Всем существом стремлюсь я к Тахамтану.
Во-первых: вся я так полна тобой,
Что страсть моя затмила разум мой.
И во-вторых: прошу я — дай мне сына,
Такого же, как сам ты, исполина.
Пусть будет храбр он и силен, как ты,
И счастьем так же вознесен, как ты.

А в-третьих: Рахша твоего найду я;
Весь Саманган под жезл твой приведу я».

И тут к концу пришли ее слова,
Рустама потрясли ее слова.

Он, красотою пери пораженный,
Прозрел в ней дух и разум просветленный,

А обещаньем Рахша возвратить
Ей удалось совсем его пленить.

«Приди ко мне!» — сказал Рустам счастливый,
Приблизилась царица горделиво.

И он послал мобеда-мудреца,
Чтоб испросил согласие у отца.

Мобед пришел к царю, сказал: «Для счастья
И славы нашей дай на брак согласие!»

Когда узнал об этом старый шах,
Как тень, исчез его томивший страх.

И, радуясь, веселый с ложа встал он,
С Рустамом быть в родстве и не мечтал он.

И тут же повелев созвать гостей,
Устроил свадьбу дочери своей.

По вере, по обычаям старинным,
Соединил он дочку с исполином.

Когда он дочь богатырю вручал,
Весь круг гостей вельможных ликовал.

И гости снова в честь Рустама пили,
И здравицу Рустаму возгласили:

«Будь счастлив с этой новою луной,
Взошедшей над стезей твоей земной!»

Когда царица с ним уединилась,
Сказал бы ты, что ночь недолго длилась.

Обильною росой напоен —
В ночи раскрылся розовый бутон,

В жемчужницу по капле дождь струился,
И в раковине жемчуг появился.

Еще ночная не редела мгла,
Во чреве эта перь понесла.

Заветный, с камнем счастья талисман
Носил всегда с собою Тахамтан.

Жене он камень отдал: «Да хранится
Он у тебя. И если дочь родится —

Мой талисман надень на косы ей,
А если счастье над судьбой твоей

Блеснет звездою на высоком небе
И сына даст тебе чудесный жребий,

К его руке ты камень привяжи
И сыну об отце его скажи.

Пусть будет в Сама ростом и дородством,
В Нейрама мужеством и благородством,

Пусть будет мил он солнцу, пусть орла
Средь облаков пронзит его стрела.

Пусть он игрою битву львов считает,
Лица от битв слонов не отвращает».

Так с луноликой он провел всю ночь,
С ней сладкую беседу вел всю ночь.

Когда взошло, блистая, дня светило
И мир лучистой лаской одарило,

Прощаясь, он к груди жену прижал,
И много раз ее поцеловал.

В слезах с Рустамом Тахмина простилась
И в скорбь с тех пор душою погрузилась

Шах благородный к зятю подошел
И с ним беседу по сердцу повел,

Сказал, что ждет Рустама Рахш найденный.
Возликовал дарующий короны,

Он обнял саманганского царя,
За своего коня благодаря.

И Рахша оседлал и ускакал он,
О происшедшем часто вспоминал он.

Но никому об этом Тахамтан
Не рассказал, ушел в Забулистан.

РАССКАЗ О РОЖДЕНИИ СУХРАБА

Вот сорок семидневей миновало,
И время счастья матери настало.

Бог сына дал царевне Тахмине,
Прекрасного, подобного луне.

Так схож был сын с богатырем Рустамом,
Со львом Дастаном и могучим Самом,

Что радостью царевна расцвела
И первенца Сухрабом нарекла.

Был через месяц сын как годовалый,
Грудь широка, как у Рустама, стала.

Он в десять лет таким могучим был,
Что с ним на бой никто не выходил.

На всем скаку степных коней хватал он,
За гриву их рукой своей хватал он.

Пришел Сухраб однажды к Тахмине
И так спросил: «О мать, откройся мне!

Я из какого дома? Кто я родом?
Что об отце скажу перед народом?»

И вспомнила наказ богатыря,
Сказала мать, волнением горя:

«Дитя! Ты сын великого Рустама,
Ты отпрыск дома Сама и Нейрама,

Пусть радуют тебя мои слова,
Достичь небес должна твоя глава.

Ты цвет весенний ветви величавой.
Твой знаменитый род овеян славой.

От первых дней не создавал творец
Такого витязя, как твой отец.

Он сердцем — лев, слону подобен силой,
Он чудищ водяных изгнал из Нила.

И не бывало во вселенной всей
Таких, как древний Сам, богатырей».

Письмо Рустама Тахмина достала,
Тайник открыла, сыну показала

Клад золотой и три бесценных лала,
Чье пламя ярко в темноте сияло,—

Сокровища, хранившиеся там,
Что из Ирана ей прислал Рустам,—

Свой дар ей в честь Сухрабова рожденья,
С письмом любви, с письмом благоволенья.

«О сын мой, это твой отец прислал!—
Сказала мать,— взгляни на этот лал.

Я знаю, будешь ты великий воин,
Ты талисман отца носить достоин.

Признает по нему тебя отец,
Наденет на главу твою венец.

Когда тебе раскроет он объятья,—
Утешусь, перестану тосковать я.

Но надо, чтоб никто о том не знал —
Чтоб царь Афрасиаб не разгадал,

Коварный враг Рустама Тахамтана,
Виновник горьких слез всего Турана.

О, как боюсь я,— вдруг узнает он,
Что от Рустама ты, мой сын, рожден!»

«Луч этой истины, как солнце, светел,
И скрыть его нельзя!— Сухраб ответил.—

Гордиться мы должны с тобой, о мать,
Что я — Рустама сын, а не скрывать!

Ведь сложены не лживыми устами
Все песни и дастаны о Рустаме.

Теперь я, чтобы путь открыть добру,
Бесчисленное войско соберу

И на Иран пойду, во имя чести
Взметну до неба пыль суровой мести,

Я трон и власть Кавуса истреблю,
Я след и семя Туса истреблю.

И не оставлю я в живых Гударза,
Не пощажу у них ни льва, ни барса.

Побью вельмож, носителей корон,
Рустама возведу на Кеев трон.

Как море, на Туран потом я хлыну,
Оплот Афрасиаба опрокину,

Неверного низвергну я во тьму,
Венец его и трон себе возьму.

Дары я щедрою раздам десницей,
Тебя — иранской сделаю царицей.

Лишь я и мой прославленный отец
Достойны на земле носить венец.

Когда два солнца в мире заблестало,
Носить короны звездам не пристало!»

СУХРАБ ВЫБИРАЕТ КОНЯ И ГОТОВИТ ВОЙСКО НА БИТВУ С КАВУСОМ

«О мать! — сказал Сухраб. — Развеселись!
Во всем теперь на сына положишься!

Крыло орла окрепло для полета, —
Хочу в Иран я распахнуть ворота.

Теперь мне нужен богатырский конь,
Стальнокопытный, ярый, как огонь.

Чтобы за ним и сокол не угнался,
Чтоб силой он своей слону равнялся,

Чтобы легко он мог носить в бою
Мой стан и шею мощную мою.

В Иране я врагов надменных встречу,
Мне не к лицу пешком идти на сечу».

Обрадовали мать его слова,
Высоко поднялась ее глава.

Велела пастухам, чтобы скакали
И табуны с далеких пастбищ гнали,

Чтоб сын избрал достойного коня,
Могучего и стройного коня.

И сколько ни было коней отборных
В долинах и на пастбищах нагорных —

Всех пастухи согнали на майдан.
Сухраб, войдя в табун, бросал аркан,

И самых сильных с виду — крутошеих —
Ловил он и притягивал к себе их,

Клал руку на хребет и нажимал,
И каждый конь на брюхо припадал.

Коней могучих много испытал он,
И многим в этот день хребты сломал он,

Был конь любой для исполина слаб.
И впал в печаль душою лев-Сухраб.

Тут из толпы какой-то муж почтенный
Сказал Сухрабу: «Слушай, цвет вселенной!

Есть у меня в отгоне чудо-конь,
Потомок Рахша, быстрый, как огонь.

Летает он, как вихрь в степи стремимый,
Не знающий преград, неутомимый.

И под ударами его копыт
Трепещет сам несущий землю кит.

Хоть может телом он с горой сравниться,
Он — молния в прыжке, в полете — птица.

Как черный ворон, он летит в горах,
Как рыба — плавает в морских волнах.

И как ни быстроноги вражьи кони,
Но не уйти им от его погони».

И просиял Сухраб, как утро дня,
Услыша весть про дивного коня.

И засмеялся он, как полдень ясный.
Тут приведен к нему был конь прекрасный.

Сухраб его всей силой испытал,
И конь пред ним могучий устоял.

И потрепал коня, и оседлал он,
И сел, и по майдану проскакал он.

Он был в седле, как Бисутун-гора,
Копье в его руке — как столб шатра.

Сказал Сухраб: «Вот я конем владею,
Теперь я медлить права не имею!

Пора пойти, как грозовая тень,
И омрачить Кавусу божий день».

Сухраб, не медля, воротясь с майдана,
Готовить стал поход против Ирана.

И лучшие вонтели земли —
Богатыри — на зов его пришли.

А деда-шаха — в трудном деле этом
Просил Сухраб помочь ему советом.

Шах перед ним хранилища открыл,
Всем снаряженьем бранным снарядил,

И золотой казною и жемчужной,
Верблюдов и коней дал, сколько нужно,
Для войск несметных — боевой доспех,
Чтоб всадникам сопутствовал успех.
Он расточил для внука складов недра,
Любимца одарил по-царски щедро.

АФРАСИАБ ПОСЫЛАЕТ БАРМАНА И ХУМАНА К СУХРАБУ

Узнал Афрасиаб, что — полный сил —
Сухраб корабль свой на воду спустил.

Хоть молоко обсохнуть не успело
На подбородке — в бой он рвется смело.

Что меч его грозящий обнажен,
Что с Кей-Кавусом битвы ищет он.

Что войско он большое собирает,
Что старших над собою он не знает.

И больше: встала доблести звезда,
Невиданная в прежние года.

И, наконец, — везде толкуют прямо,
Что это сын великого Рустама.

Афрасиаб известьям этим внял
И смехом и весельем засиял.

Он из своих старейших приближенных
Двух выбрал, в ратном деле умудренных,

Бармана и Хумана — двух гонцов;
Три сотни тысяч дал он им бойцов

И наказал, к Сухрабу посылая:
«Пусть будет скрытой тайна роковая!..

Когда они сойдутся наконец —
Нельзя, чтоб сына вдруг узнал отец.

Чтоб даже чувства им не подсказали,
Чтоб по приметам правды не узнали...

Быть может, престарелый лев-Рустам
Убит рукой Сухраба будет там.

И мы тогда Иран возьмем без страха,
И тесен будет мир для Кавус-шаха.

Ну, а тогда уж средство мы найдем,
Как усыпить Сухраба вечным сном.

А если старый сына в ратном споре
Убьет — его душа сгорит от горя».

И подняли послы свой шумный стан,
И бодрые покинули Туран.

Вели они к Сухрабу в Саманган
С богатыми дарами караван.

Трон бирюзовый с золотой короной
И драгоценное подножье трона

Могучие верблюды понесли.
Гонцы посланье шахское везли:

«О лев! Бери Иран — источник споров!
Мир защити от смут и от раздоров!

Ведь Саманган, Иран, Туран давно
Должны бы слиться в целое одно.

Я дам войска — веди, распоряжайся:
Сядь на престол, короною венчайся!

Таких же, как Хуман и мой Барман,
Воинственных вождей не знал Туран.

И вот я шлю тебе их под начало.
Пусть погостят у вас они сначала.

А хочешь воевать — на бой пойдут,
Врагам твоим покоя не дадут!»

И в путь поднялся караван богатый,
Повез письмо, венец, и трон, и злато.

Когда Сухраб узнал о том, он сам
Навстречу славным поднялся послам.

Встречать Хумана в поле с дедом выйдя,
Возликовал он, море войск увидя.

Когда ж Сухраба увидал Хуман —
Плеча, и шею, и могучий стан,—

Он им залюбовался, пораженный,
И с головой, почтительно склоненной,

Вручил ему, молитву сотворя,
Подарки и послание царя.

«Прочти, о лев,— сказал он,— строки эти
И не спеша подумай об ответе».

Прочел Сухраб. Он медлить не хотел,
В поход войска готовить он велел.

И войск вожди, что жаждой битв горели,
На скакунов, как ветер быстрых, сели,

Тимпаны и литавры загремели,
Пошли войска, как волны зашумели.

И не сдержали б их ни исполин,
Ни львы пустынь, ни кит морских пучин.

Вошел в Иран Сухраб, все сокрушая,
Дотла сжигая и опустошая.

НАПАДЕНИЕ СУХРАБА НА БЕЛЫЙ ЗАМОК

На рубеже Ирана возведен
Был замок. «Белым замком» звался он.

Хаджир — начальник стражи, славный
вонн —
Был храбр, силен, водить войска достоин.

И от Ирана был поставлен там
Правителем премудрый Гуждахам.

Имел он дочь. И не было ей равной,—
Всем хороша, но зла и своенравна.

Когда Сухраб пришел, нарушив мир,
Его увидел со стены Хаджир.

На быстром скакуне — любимце брани —
С копьем Хаджир явился на майдане.

Блестя в снаряженье боевом,
К войскам Турана он воззвал, как гром:

«У вас найдется ль воин искушенный,
В единоборстве конном закаленный?»

Эй, кто у вас могуч, неустрашим?
Пусть выйдет, я хочу сразиться с ним!»

Один, другой и третий сбиты были,
Перед Хаджиром устоять не в силе.

Когда Хаджира увидал в бою,
Сухраб решил изведать мощь свою.

Он как стрела помчался грозовая,
Над полем вихри пыли подымая.

И весело Хаджиру крикнул он:
«Один ты вышел, гневом распален?»

На что надеешься? Куда стремишься?
Или драконьей пасти не боишься?

И кто ты, предстоящий мне в бою,
Скажи, чтоб смерть оплакивать твою?»

И отвечал ему Хаджир: «Довольно!
Сам здесь падешь ты жертвою невольной.

Себе я равных в битве не встречал,
Лев от меня уходит, как шакал.

Знай — Я Хаджир. О юноша незрелый,
Я отсеку главу твою от тела

И Кей-Кавусу в дар ее пошлю.
Я труп твой под копыта повалю».

Сухраб в ответ Хаджиру рассмеялся,
И за копьё свое стальное взялся.

И сшиблись, и в поднявшейся пыли
Едва друг друга различить могли.

Как молния, летящая по тучам,
Летел Сухраб на скакуне могучем.

Хаджир ударил, но огромный щит
Сухраба все же не был им пробит..

Тут на врага Сухраб занес десницу,
Копьем его ударил в поясницу.

Упал Хаджир, как будто бы с седла
Его внезапно буря сорвала;

Упал, как глыба горного обвала.
Так, что душа его затрепетала.

Сошел Сухраб, коленом придавил
Хаджиру грудь, кинжал свой обнажил.

Хаджир, увидя — льву попал он в когти,
Молил пощады, опершись на локти.

Могучий пощадил его Сухраб,
И в плен был взят Хаджир им, словно раб.

Связал он побежденного арканом,
Велел ему предстать перед Хуманом.

Хуман все видел. Был он потрясен
Тем, что Хаджир так быстро побежден.

Со стен за поединком наблюдали.
И в крепости вопили и рыдали,

Что пал с коня и в плен попал Хаджир —
Воитель, славой наполнявший мир.

ПОЕДИНОК СУХРАБА С ГУРДАФАРИД

Дочь Гуждахамова Гурдафарид,
Увидев, что Хаджир бесславно сбит,

От горя в иступленье застонала
И яростью и гневом запылала.

Хоть юной девушкой была она,
Как витязя, влекла ее война.

Грозна в бою, чужда душою мира,
Увидя поражение Хаджира,

Она такой вдруг ощутила стыд,
Что потемнели лепестки ланит.

Вонительница медлить не хотела,
Кольчугу, налокотники надела

И косы уложивши над челом,
Их под булатный спрятала шелом.

Как грозный всадник, дева красовалась
На скакуне: как вихрь, она помчалась,

И пыль над степью облаком взвила,
И так к войскам Турана воззвала:

«Кто в верховом бою у вас искусен?
Кто вождь у вас? Смелей выходит пусть он!

Пусть доведется испытать киту
Монх ударов мощь и быстроту!»

Смотри: никто из воинов Турана
Не вышел с ней на бой в простор майдана.

Ее Сухраб увидел издали,
Как в облаке, летящую в пыли.

Сказал он: «Вот еще онагр несется!..
В петлю мою сейчас он попадется!»

Кольчугу он и чинский шлем надел,
Навстречу ей, как ветер, полетел.

Гурдафарид свой лук тугой схватила
И молнией стрелу в него пустила.

Когда стрелу пускала в высоту,
Она орла сбивала на лету.

Хоть стрелы вихрем с тетивы летели,
Они задеть Сухраба не сумели,

И понял витязь, полон изумленья,
Что с женщиною вышел он в сраженье.

Сказал: «Подобных девушек Иран
Сегодня шлет на боевой майдан!..

Их витязи, когда коней пускают,
Над степью пыль до облак поднимают.

Но коль в Иране девы таковы,
То каковы у них мужчины-львы?»

Тут он аркан свой черный вслед метнул ей
И стан петлею туго захлестнул ей.

Сказал ей: «Лунолика, смирись
И не пытайся от меня спастись!

Хоть много дичи мне ловить случалось,
Такая лань впервые мне попалась!»

Увидев, что беда ей предстоит,
Открыла вдруг лицо Гурдафарид

И молвила: «Не надо многих слов,
Ты — лев могучий среди храбрецов!

Подумай: с той и с этой стороны
На бой наш взгляды войск обращены...

Теперь с лицом открытым я предстала,
И разнотолков, знай, пойдет немало,

Что, мол, Сухраб до неба напылил —
В единоборство с женщиной вступил,

Копьем тяжелым с девушкою бился
Перед мужами — и не устыдился!

Я не хочу, чтобы из-за меня
Шла о Сухрабе славном болтовня.

Мир заключим, чтоб завязать язык их...
Ведь мудрость, знаешь сам, удел великих.

Теперь мой замок и мои войска —
Твои! Как клятва, речь моя крепка.

И крепость и сокровища Хаджира —
Твои. Зачем нам битва после мира?»

Сухраб, на лик прекрасный брося взгляд,
В цвету весны увидел райский сад.

Ее красой душа его пленилась
И в сердце, как в ларце, печаль укрылась.

Ответил он: «Тебя я отпущу,
Но помни: я обмана не прощу.

Не уповай на стены крепостные,
Они не выше неба, не стальные.

С землей сровняю эти стены я,
И нет против меня у вас копыя».

Гурдафарид вперед — крылатым летом —
Коня послала к крепостным воротам.

Сухраб за нею рысью ехал вслед,
Он верил, что ему преграды нет.

Тут крепости ворота закрипели
И пропустить Гурдафарид успели.

И вновь захлопнулись и заперлись.
У осажденных слез ручьи лились,

В подавленных сердцах кипело горе,
Тонуло все в постигшем их позоре.

К Гурдафарид, со всею свитой, сам
Седобородый вышел Гуждахам,

Сказал: «О с благородным сердцем львица,
О дочь моя! Тобой Иран гордится!

Страдали мы, неравный видя бой,
Но не бесславен был поступок твой.

Ты выхода искала в честной битве,
Но враг силен. Внял бог моей молитве,—

В обмане ты спасенье обрела
И невредима от врага ушла».

Гурдафарид в ответ лишь засмеялась
И на стене высокой показалась.

Увидела Сухраба за стеной
И молвила: «Что ждешь ты, витязь мой?

Иль ожидать напрасно — твой обычай?
Увы, навек расстался ты с добычей!»

Сказал Сухраб: «О пери, пред тобой
Клянусь луной, и солнцем, и судьбой,—

Разрушу крепость! Выхода иного
Не вижу я. Тебя возьму я снова.

Как ты раскаешься в своих словах,
Когда в моих окажешься руках!

Как сожалеть ты будешь, что сначала
Ты не исполнила, что обещала!»

Гурдафарид ответила, смеясь:
«Я сожалею, о мой юный князь!

Неужто, витязь мой, не знал ты ране,
Что тюрки брать не могут жен в Иране?

Что ж, значит я тебе не суждена!
Но не печалься, то судьбы вина...

Но сам ты не из тюркского народа,
В тебе видна иранская порода.

С такую мощью, с красотой твоей
Ты был бы выше всех богатырей.

Но если скажет слово шах Ирана,
Что юный лев повел войска Турана —

Подыметя Рустам из Сеистана,
Не устоишь ты против Тахамтана!

Беда тебе! — из войска твоего
В живых он не оставит никого.

Мне жаль, что этот стан и эти плечи
Поникнут и падут во прахе сечи.

Повиновался б лучше ты судьбе,
Вернулся бы скорей в Туран к себе.

А ты на мощь свою лишь уповаешь,
Как глупый бык, бока свои терзаешь!»

Сухраб, внимая, от стыда сгорал.
Что замок трудно взять, он это знал.

Невдалеке от крепости стояло
Село и над собой беды не знало.

Сухраб пошел и разорил село,
По локоть руки окунул во зло.

Сказал потом: «Ночь наступает, поздно...
Пора нам отдохнуть от сечи грозной.

А завтра здесь неслыханная быль
Свершится. Мы развеем стены в пыль».

И, повернув коня, погнал безмолвно,
Вернулся в стан, печалью смутной полный.

ПИСЬМО ГУЖДАХАМА ШАХУ КАВУСУ

Когда Сухраб уехал, Гуждахам
Позвал писца и сел с ним рядом сам.

Свои несчастья шаху описал он,
И с опытным гонцом письмо послал он.

В письме сказал он: «Мы, твои рабы,
Здесь терпим гнев неведомой судьбы.

Туранцы, что напасть на нас не смели,
Пришли под крепость, морем зашумели.

Вождь этих войск, затмивших полдня свет,
Юнец, едва ль четырнадцати лет.

Но ростом он невиданно огромен,
Он силой исполинской неугомен.

Его, как дуб индийский, крепок стан.
Льва породил могучего Туран.

Он богатырской палицей играет,
Разящий меч в руке его сверкает.

Что кручи гор ему, что глубь морей?³
Подобных в мире нет богатырей.

Как лев среди ланей, в ратной он ловитве,
Сильнейшего сразить он может в битве,

Он может демоном противостать.
Богатыря того Сухрабом звать.

Подобье он Рустама Тахамтана,
Похож на ветвь из дома Наримана.

Не знаю, кто отец его и мать,—
Как у Рустама, мощь его и стать.

Когда пришел он, ради бранной чести,
Привел к нам войско, жаждущее мести,

Хаджир, непобедимый богатырь,
С ним выехал на бой в степную ширь.

Ему навстречу, на коне могучем,
Сухраб летел, как молния по тучам,

Быстрей, чем запах розы — от ноздрей
До мозга, — мысли пламенной быстрей.

Хаджира сбил с седла с такой он силой,
Что это всех смотревших изумило.

Теперь Хаджир в оковах и в плену...
Кто горечи измерит глубину?

Видал я витязей туранских в деле,
Но о подобном не слышал доселе.

Рустаму он подобен одному, —
Быть может, равен лишь Рустам ему.

На всей земле найдешь ему едва ли
Противоборца, кроме сына Заля.

Здесь, кто против него не выступал,
Отважнейших он в плен арканом брал.

Хоть он могуч, но духом он не злобен,
Огромный конь его горе подобен.

Когда он скачет, до неба пыля,
Горам прощает тяжесть их земля.

Подумай о стране, миродержавный,
Чтоб не постиг и вас удел бесславный!

Пускай сюда твои войска идут,
Не то — столпы величия падут.

Теперь не время мир вкушать беспечный,
Он может обложить нас данью вечной.

Коль вовремя его не удержать,
Нам радости и счастья не видать.

Когда бы ты его увидел сам,
Сказал бы ты — он юный всадник Сам.

И если ты теперь нам не поможешь,
Всех нас погибшими считать ты можешь.

Не отсидимся мы в своих стенах,—
Сегодня, завтра рухнут стены в прах.

Поэтому мы ночью замок бросим,
Приют в Иране оказать нам просим.

Меня давно ты знаешь, я не лгу,
Но жертвовать я войском не могу.

Нас не укроют стены крепостные,
Ворота перед ним падут стальные».

Письмо он кончил, приложил печать,
Велел гонца надежного призвать.

Сказал: «Скачи быстрее, чтоб утром рано
Ты был далеко в глубине Ирана».

Посланье спрятал тот гонец на грудь,
Сел на коня, помчался в дальний путь.

Под крепостью был тайный свод подземный,
Вел из него далеко ход подземный.

Тем ходом, по неведомым путям,
В ночи ушел с семьей Гуждахам;

И войско все, по потайному ходу,
Из крепости он вывел на свободу.

СУХРАБ ЗАХВАТЫВАЕТ БЕЛЫЙ ЗАМОК

Когда заря блеснула из-за гор,
Сияньем озарив земной простор,

Сухраб верхом — из алого тумана
Повел на приступ воинство Турана.

Чтоб всех, кто были в замке, наконец
Взять в плен, как стадо сбившихся овец.

Уже он был от замка недалеко,
Глядит: нет стражей на стене высокой.

И в гневе он к воротам подступил
И с петель их тараном медным сбил.

Вошли в пролом; но ни души в твердыне,—
Все пусто и безмолвно, как в пустыне...

И понял он, что Гуждахам ушел
И всех с собой защитников увел.

Лишь несколько, от страха оробелых,
Там пряталось забытых, престарелых.

Он все покои замка обыскал,
Но не нашел того, чего искал.

Гурдафарид, как перн, улетела...
Любовью, страстью кровь его кипела.

«Увы! — сказал, — увы мне!.. Где она?
За черной тучей спряталась луна!

Судьбой, как видно, горе суждено мне.
Владеть любимой, видно, не дано мне.

Попала в сети лань ко мне. И вот —
Ушла... Я сам в сетях ее тенет.

На миг она лицо мне показала
И сердце мне навеки растерзала.

Увы, недостижимо далека
Теперь она. А мой удел — тоска.

Но это чародейство, не иначе, —
Оно, как яд, в крови моей горячей...

Вчера я думал, — в плен ее возьму,
Но сам я пленник, — видно по всему,

Не знаю я: меня околдовали —
Лицо ль ее, глаза ль ее, слова ли.

Но если я ее не отыщу,
Потери я ничем не возмещу.

Нет! Не в бою я встретил испытанье!
Как рана, мне о ней воспоминанье,

Мне доля — тайно плакать и стенать!
И кто она, не суждено мне знать...»

Так говорил Сухраб, и весь горел он.
Хоть никому открыться не хотел он,

Но мук любви не скроешь от людей, —
Их слезы выдадут волне морей.

Кто б ни был любящий — душевной боли
Не утаит он — выдаст поневоле.

Так и любовью раненный Сухраб
Вдруг похудел, поблек лицом, ослаб.

Хуман не знал о том, что с ним случилось,
Но видел, как душа его томилась,

И сердцем пронизательным своим
Он понял, что неладно что-то с ним

И что Сухраб, по гневной воле мира,
Попал в силки безвестного кумира,

Что он, паря мечтой, стоит без сил,
Как будто ноги в глине завязил.

Сухрабу мудрый так сказал Хуман:
«О гордый, с лвиным сердцем пахлаван!

В былое время витязь лучшим другом
Себя считал. Постыдным он недугом

Почел бы жар, пылающий в крови,
И опьяненье от вина любви.

Брал в плен он сотни мускусных газелей,
Но сердца не терял в любовном хмеле.

В плен не сдается истинный герой
Царицам с неземною красотой.

Лишь та достойна властвовать десница,
Что солнце заставляет поклониться!

Ты — лев могучий, ты от льва рожден, —
И ты — о стыд! — любовью поражен?

Нет! От любви не плакал бы великий
Завоеватель мира и владыка!

Тебя царем Афрасиаб нарек,
Назвал владыкой гор, морей и рек.

Мы вышли из Турана ради славы,
Вброд перешли мы океан кровавый,

Теперь Иран зажали мы в тиски,
Но в будущем пути не так легки.

Нам предстоит борьба с самим Кавусом,
С его войсками и коварным Тусом.

Нам предстоит убийца львов — Рустам,
Гив-богатырь, Гударз и лев Руххам,

Бахрам, Гургин — отважный внук Милада,
Мы встретим там могучего Фархада.

Богатыри — могучие слоны,
Нас повстречают на стезе войны.

В бою никто из них не отступает,
Чем кончится война — никто не знает...

А ты — о лев! — на грозный бой идешь
И сердце первой встречной отдаешь!

Будь мужем, отгони любовь от сердца,
Чтобы не пасть пред войском миродержца.

Цель у тебя великая одна:
Лишь начата — не кончена война.

Ты храбр, силен, взялся за труд опасный,
И цель свою ты должен видеть ясно.

Еще великий труд не завершен,
А ты душой к другому устремлен.

Свали твердыню древнюю Ирана
Всею мощью богатырского тарана!

Когда ты Кеев трон себе возьмешь,
Ты сам красавиц лучших изберешь.

Тогда к подножью нового владыки
Придут с поклоном малый и великий.

Не подобает от любви страдать
Тому, кто миром должен обладать!»

Преподнеся словесный этот дар,
Хуман избавил юношу от чар.

Сказал Сухраб: «Ты послан мне судьбой!
Прекрасно все, что сказано тобой.

Великому теперь отдам я душу,
Я завоюю мир — моря и сушу.

И дружба наша, как скала, тверда,
Отныне укрепилась навсегда.

Взялся за труд Сухраб неутомимый
И сердцем отвратился от любимой.

И он Афраснабу написал,
Как шел поход, как Белый замок пал.

Обрадовался шах тому известью,
Сказал: «Сухраб нас озаряет честью!»

... Письмо от Гуждахама получив,
Сидел Кавус — угрюм и молчалив.

Призвал вельмож, опору шахской власти,
Поведал о постигшем их несчастье.

Пришли к владыке Тус, Бахрам, Фархад,
Пришел Гударз, чьим был отцом Кишвад.

Воскликнул шах: «Как нам беду поправить?
Кого туранцам противопоставить?»

В чертоге царском тут поднялся гул,
Сказали хором все: «Послать в Забул!

Послать гонца в пределы сына Сама,
Чтоб старый Заль уговорил Рустама

Скорей на поле битвы поспешить
И вновь Иран щитом своим укрыть!»

Решили так. И в круг вельможи селя,
Послание писать писцу велели.

ПИСЬМО КАВУСА РУСТАМУ

И дали подписать письмо царю.

Вначале шла хвала богатырю:

«Пусть вечно бодрым разум твой пребудет!
Пусть в мире все тебе на радость будет!

Ты с древних лет опорой нашей был,—
Ты — столп страны, источник вечных сил,

Ты — мощь, и сердце, и хребет Ирана!
Ты — в подвигах великих неустанный,

Чудовищ истребил Мазандерана,
Оковы разрубил Хамаварана.

Ты, словно лань, берешь арканом льва,
Превыше снежных гор твоя глава.

Ты — щит Ирана, светоч божества.
Как море, о тебе шумит молва.

Хвала Творцу! Хвала отцу Нейраму!
Хвала премудрому Дастану-Саму!

Пусть вечно над вселенною цветет
От миродержца твой идуций род!

И счастье шахское не потускнеет,
Пока Рустам своим мечом владеет,

Опять тебе прибыть к нам пробил час,
Нежданная беда постигла нас,—

Враг из Турана вышел небывалый,
Он катится на нас, грозней обвала,

Опасность велика,— ты сам поймешь,
Когда посланье до конца прочтешь.

И мы решили, о Рустам счастливый,
К тебе с письмом своим отправить Гива.

Коль он приедет ночью, ты вставай,
Для многословья уст не раскрывай.

А если днем, — охота ли, обед ли, —
Все брось и к нам скорей скачи, не медля.

А если спать собрался, не ложись,
Вооружись и к нам поторопись.

Возьми богатырей Забулистана,
Скачи, в пути не разбивая стана.

В своем письме нам пишет Гуждахам:
«Враг небывалый угрожает нам.

Прочтя мое письмо, без промедленья
Бери войска и выходи в сраженье!»

И черная, как мускус и смола,
Печать Кавуса на письмо легла.

Шах молвил Гиву: «Дорого нам время,
Поторопись, вступи ногою в стремя!

Когда к Рустаму ты прискачешь, Гив,
Не вздумай пировать, про все забыв,

В Забуле отдыхать не оставайся,
А в тот же день с Рустамом возвращайся!»

Взял Гив письмо, и в путь пустился он,
Скакал в Забул, забыв покой и сон.

И прибыл он в предел Забулистана,
И стражей крик донесся до Дастана,
Что из Ирана конный к ним спешит,
Взметая вихрем пыль из-под копыт.

Весть эта до Рустама долетела,
И выехал встречать слоновотелый.

Он выехал с дружиною своей,
Со свитой братьев и богатырей.

И спешились, как честь велит, при
встрече, —
Все — и гонец, прибывший издалече.

Сошел с коня и славный Тахамтан,
Спросил: «Здоров ли шах? Как жив Иран?»

Повел Рустам гонца в свои чертоги,
Гость за беседой отдыхал с дороги,

Потом письмо хозяину вручил
И о Сухрабе вести сообщил.

Рустам, прочтя посланье, изумился,
Все расспросил и в думу погрузился.

Потом, смеясь, сказал: «Неужто там —
В Туране, появился новый Сам?»

Рождал богатырей Иран счастливый,
А там не вспомню я такого дива.

Есть, правда, у меня там сын... Хотя —
Он очень молод, он еще дитя!..

Есть сын мой у царевны Самангана! —
Но выступать ему в походы рано.

Еще не знает он, — мой дорогой, —
Как водят войско, как вступают в бой!

Сокровищ я послал ему немало.
И мать его ответ мне написала.

Еще не год, не два, не три пройдет,
Покамест милый сын мой подрастет.

Я терпеливо жду: пора настанет,
И миру новый богатырь предстанет.

Сейчас же лет тринадцати всего
Мой сын, богатство сердца моего!

Пока ему бросаться в битву рано.
Другой к нам воин вышел из Турана...

Теперь, наш гость, пойдем на наш айвац.
Рад будет престарелый муж — Дастан.

Подумаем, как быть нам в этом деле
И отчего так тюрки осмелели.

Пойдем, мой гость любезный, отдохнем,
Уста сухие освежим вином!

Потом последуем к престолу шаха,
Посмотрим — кто нагнал такого страха.

И коль не спит могучая судьба,
Врага возьмем арканом, как раба.

Коль на горящий берег хлынет море,
Не устоять огню с волнами в споре.

Как подыму я боевой свой стяг,
Падет от страха на колени враг.

Шах перепуган. Нам же было б низко
Весть эту к сердцу принимать так близко!»

Тут с гостем сел к вину за стол Рустам
И здравицу провозгласил войскам.

А после пира, утром, — еще в хмеле, —
Рустам могучий позабыл о деле.

Проугощал он гостя день второй,
Не вспомнил о походе на другой.

На третий день подать вина велел он,
О Кей-Кавусе вспомнить не хотел он.

Так с Гивом он пропировал три дня,
Не думая в поход седлать коня.

А утром — на четвертый — Гив поднялся,
Один обратно ехать он собрался.

Сказал он: «Гневен, неразумен шах,
Великий у него на сердце страх.

Явил он нетерпение большое,
Забыл о сне, о пище и покое.

Коль мы промедлим день еще с тобой,
Из-за вина оттянем ратный бой,

Разгневается шах. Увы, гневлив он,
И черен сердцем, и несправедлив он.»

Сказал Рустам: «Забудь об этом зле,
Никто на нас не встанет на земле!»

Но все ж велел он Рахша выводить,
Седлать его и в медный ней трубить.

Услышали мужи призыв карная
И съехались, доспехами сверкая.

ГИВ И РУСТАМ ПРИБЫВАЮТ К КАВУСУ. ГНЕВ КАВУСА.

В поход Рустам пустился поутру,
Главою войск поставил Завару.

А уж князя встречать его скакали, —
За день пути в дороге повстречали,

Гударз и Тус — главы богатырей —
Почтительно сошли пред ним с коней.

Увидя их, сойдя с коня и сам,
С вожжами поздоровался Рустам.

И вместе с ними воин знаменитый
Предстал царю царей с душой открытой.

Склонились пред царем Рустам и Гив,
Но шах сидел угрюм и молчалив.

Вспылил потом. И, в бешенстве постыдном,
Он Гива словом уязвил обидным:

«Кто он такой, Рустам, чтоб мой приказ
Откладывать не на день, а на час?

Да если бы со мною был мой меч,
Я голову Рустаму снес бы с плеч!

Схвати его, на виселицу вздерни!
Ни слова больше! Опостылел спор мне!»

И дрогнул Гив и шаху отвечал:
«Как? На Рустама руку ты подъял?»

Рассвирепел Кавус, насупил брови,
Привстал, как лютый лев, что жаждет крови.

От ярости, казалось, был он пьян,
В растерянность поверг он весь диван.

Вскричал: «Измена! Знаю я давно их!
Схвати их, Тус! Веди, повесь обоих».

Ужасен в гневе был Кавус и дик.
Он весь пылал, как вспыхнувший тростник.

Тус встал, Рустама за руку схватил,
Всех дерзостью потряс и удивил.

Хотел он — полн смущения и страха —
Рустама увести от гнева шаха.

Пред ним Рустам был как могучий слон —
Так по руке ударил Туса он,

Что рухнул Тус у трона помертвелый.
Рустам через поверженное тело

Шагнул и шаху в ярости сказал:
«Зря на меня ты гневом воспылал!

Безумен ты, твои поступки дики,
Ты недостойн звания владыки!

Ведь я — Рустам, а кто такой — твой Тус?
Когда я в гневе — что мне шах Кавус?

Владыка, не к лицу тебе корона!
Ей лучше быть бы на хвосте дракона,

Чем на такой ничтожной голове!
Не веришь сам себе, так верь молве:

Ведь я тебя возвел на трон, когда ты
Стонал в оковах, гибелью объятый.

Не раз тебя от смерти я спасал, —
И трон, и власть, и жизнь тебе я дал!

Все страны, от Египта до Ирана,
От степи Чина до Мазандерана,

Склоняются в пыли передо мной,
Перед моим мечом и булавой.

Благодари меня, что шахом стал ты!
Что ж на Рустама гневом воспылал ты?

Я — раб творца, тебе же я не раб!
Могучий на тебя идет Сухраб;

Коль ты такую силою владеешь,
Сам с ним сражайся, если ты сумеешь!

Вы больше не увидите меня,
В Иране не пробуду я ни дня.

Когда меня избрать хотели шахом
Богатыри, охваченные страхом,

Я даже не взглянул на шахский трон.
Был мной обычай древний соблюден.

А ведь — когда бы взял венец и власть я,
Ты б не имел величия и счастья.

Достоин я всего, что ты сказал!
Ты за добро сторицей мне воздал!

На этот трон возвел я Кей-Кубада,—
И такова от сына мне награда!

Но если бы для твоего отца
Мечом своим не добыл я венца,

С горы Албурз Кубада не привез бы,
Его из небреженья не вознес бы —

И ты величием бы не обладал.
Ты б оскорблять Рустама не дерзал!

Когда ты сам вовлек в беду Иран,
Спасать я вас пришел в Мазандеран.

И там я дива Белого убил,
И жизнь тебе и трон я возвратил.

Мой трон — седло, моя на поле слава,
Венец мой — шлем, весь мир моя держава.

Когда на вас туранец налетит,
Он никого из вас не пощадит...

Я ухожу, меня вы не ищите,
Пути спасенья сами находите!

Уйду. И впредь меня вам не видать,
Лежать вам в прахе здесь, а мне летать!»

На Рахша сел Рустам и прочь умчался,
На нем доспех от гнева разрывался.

У всех от скорби омрачился дух;
Они — лишь стадо, а Рустам пастух.

Пришли к Гударзу, молвили: «Разбиты
Устон наши. Встань, Иран спаси ты!

Ступай ты к бесноватому царю,—
Пусть он поклонится богатырю.

Напомни кею плен Мазандерана,
Когда в степях стонал он — шах Ирана.

И как Рустам царя от смерти спас,
И сколько мук он вынес из-за нас.

Потом, когда властитель бестолковый
В Хамаваране вновь попал в оковы —

Рустам ни перед кем не отступил,—
Владык в Хамаваране перебил,

Из плена вновь освободил Кавуса,
На трон Ирана возвратил Кавуса.

Коль смерть за это заслужил Рустам,
Куда ж деваться остается нам?

Иди! Беседуй с шахом терпеливо!
Восстановить должны мы мир счастливый.

Нам без Рустама счастья не видать,
Все бросить нам придется и бежать.»

И вот Гударз — Кишвада сын суровый —
Пришел в чертоги гневного хосрова.

Спросил он шаха: «О владыка мой,
В чем виноват Рустам перед тобой?

Ты растоптал сегодня щит Ирана,
Забыл ты ужасы Хамаварана.

Мазандеран ты, видно, позабыл!
Рустама ты смертельно оскорбил.

Впадать во гнев владыке недостойно,
Добро и зло решает шах спокойно.

Ушел Рустам. На нас идут войска,
Ведет их богатырская рука.

И нет у нас надежды никакой,
И некого послать с туранцем в бой.

А Гуждахам богатырей своих
Всех знает, все он ведает о них.

Он пишет нам: «Безумье — бой с Сухрабом!
Пред ним и слон могучий будет слабым!»

Один Рустам его сразить бы мог,
Но он теперь, увы, от нас далек.

Лишь неразумный и, как вол, упрямый
Решиться мог бы оскорбить Рустама.

Ум просветленный должен шах иметь,
А не безумьем ярости гореть».

Кавус Гударза выслушал спокойно.
Он понял — мудр и верен муж достойный.

«Все правильно сказал ты, — молвил шах. —
Раскаиваюсь я в своих словах.

Скорее вслед Рустаму поспешите,
В его душе обиду потушите!

Вернется пусть! Скажите: «Как и встарь,
К тебе, Рустам, любовь питает царь!»

Гударз и с ним вожди от шаха прямо
Коней погнали по следам Рустама.

И там, где гасла темная заря,
Увидели в степи богатыря.

Они его настигли, окружили,
Сошли с коней и так его молили:

«Будь светел духом, разумом высок,
И мир весь у твоих да будет ног!

Пусть будет вся земля твоим престолом,
И да не будет твой венец тяжелым!

Ты знаешь — у царя рассудка нет,
Он в гневе натворил немало бед.

Вспылит, потом к раскаянью склонится...
С тобой, Рустам, он жаждет помириться.

Твоя обида на царя сильна,
Но, Тахамтан, не наша в том вина!

За что Иран бросаешь ты на муки?
И шах сейчас сидит, кусает руки...»

И дал им Тахамтан такой ответ:
«Теперь мне дела до Кавуса нет!

Седло мне — трон, одежда мне — кольчуга,
Венец мой — шлем, и нет средь вас мне

друга.

Мне все равно — что прах, что Кавус-шах!
Как может он меня повергнуть в страх?

Я не прощу обиды: царь, видать,
По малоумию забыл опять,

Как от врагов его освободил я,
Как жизнь ему и славу возвратил я.

Я сыт по горло! Что мне ваш Кавус?
Лишь светлого Йездана я боюсь».

Умолк Рустам, Гударз премудрый снова,
Открыв уста, сказал такое слово:

«Как речь твою мы перескажем там,—
Что бросил, мол, Иран в беде Рустам?

В народе, в войске — всяк бы усомнился,
Не впрямь ли ты туранца устранился?

А нас предупреждает Гуждахам,
Что от врага не ждать пощады нам.

И коль Рустам на бой пойти страшится,
У нас непоправимое свершится!

Тревога в войске и в стране царит,
Всяк о Сухрабе только говорит.

Не отвращайся в этот час от шаха,
Пусть он ничтожен, пусть он ниже праха,

Но ведь природный шах Ирана — он,
А корень наш и столп наш — Кеев трон.

Как возликует враг наш, полный скверны,
Коль будет шах унижен праеверный!»

Так мужа наставлял Гударз-мудрец.
Рустам, подумав, молвил наконец:

«Я много ездил по земле широкой,
Я много знаю, выжу я далеко.

А если боя сердцем утрашусь,
Я от души и сердца отрекусь.

Ты знаешь сам: я незнаком со страхом,—
Пусть благодарность неизвестна шахам!»

И Тахамтан обратно прискакал,
И гордо перед шахом он предстал.

Ему навстречу встал с престола шах
И молвил со слезами на глазах:

«Я нравом одарен непостоянным,—
Прости! Так, видно, суждено Йезданом!..

Теперь перед напастями войны
Стеснился дух мой, словно серп луны.

Ты нам, Рустам, один теперь защита,
Опора наша, воин знаменитый!

Вседневно я, пред наступленьем сна,
Рустама славлю чашею вина.

О муж, забыта будет пусть обида!..
Пока мы вместе — выше мы Джамшида!

Мне в мире нужен только ты один,—
Помощник, друг мой, мощный исполин!

Я ждал тебя. Ты запоздал дорогой,
А я вспылел... Прости, во имя бога!

В раскаянье, увидев твой уход,
Наполнить прахом я хотел свой рот!»

Рустам ему: «Весь мир — твоя обитель,
Мы — под тобою, ты — наш повелитель.

Средь слуг твоих — я твой слуга седой.
Но я достоин быть твоим слугой.

Владыка ты, я — подчиненный твой.
Приказывай! Велюшь — пойду на бой.»

Царь молвил: «Как тобою я утешен!
Поход сегодня чересчур поспешен.

Мы лучше сядем нынче пировать!
Даст бог — уж после будем воевать!»

Поставили столы среди айвана,
Подобные весне благоуханной.

Вельмож созвал и приближенных кей,
Рассыпал жемчуг милости своей.

Здоровье Тахамтана гости пили
И о великом прошлом говорили.

И вот жасминоликие пришли,
Под чанг и флейту пляски завели.

Зажглись ночные на небе светила,
А пиру все конца не видно было.

Спать разошлись, когда густела мгла.
В чертогах только стража не спала.

КАВУС СОБИРАЕТ ВОЙСКА

Когда лучами солнце разорвало
Той ночи смоляное покрывало,

Восстал от сна и приказал Кавус,
Чтоб снаряжал слонов походных Тус.

Велел открыть сокровищницы недра
И одарил войска по-царски щедро.

Навьючили верблюдов и слонов
И сели вонны на скакунов.

Сто тысяч было в шахском ополченье
Мужей могучих — грозных в нападенье.

А вскоре рать еще одна пришла
И тучей пыль над миром подняла.

Померкло небо от летящей пыли,
Копыта землю черную изрыли.

Гром барабанов огласил простор,
Колесит тяжкие подножья гор.

И так в походе войско напылило,
Что лик затмился вечного светила.

Лишь блеск щитов и копий на земле
Мерцал, как пламя, тускло в синей мгле.

И блеск убранств, и шлемов золоченых,
И золото, и пурпур на знаменах.

Струились, как червонная река,
Сквозь черные густые облака.

И так был шахских войск поток огромен,
Что стал зенит, как в день затмения, темен.

До крепости из глины и камней
Дошли войска и стали перед ней,

Копытами поля окрест изрыли,
На десять верст шатры вокруг разбили.

Со стен их стража видела вдали.
«Идет Иран», — Сухрабу донесли.

И встал Сухраб, услыша весть такую,
И поднялся на башню крепостную.

И так Хуману он сказал, смеясь:
«Смотри, какая туча поднялась!..

Здесь наконец-то встретимся мы с шахом!»
Взглянул Хуман, вздохнул, исполнен страхом.

Сухраб воскликнул: «Полно, друг, вздыхать!
Сомненья прочь от сердца надо гнать.

Средь этих войск не вижу никого я,
Достойного меня на поле боя.

Я среди них не вижу мужа битв...
И не помогут им слова молитв!

Хоть велико иранских сил стечение —
Прославленного нет среди ополченья,

Я строй их ратный разорву, как цепь, —
Рекой бегущей станет эта степь».

Сухраб душою светлой не смутился,
Он радостный с высоких стен спустился.

Сказал: «Эй, кравчий, принеси вина!
Сегодня пир, а завтра — пусть война».

И в замке, за столом благоуханным,
Он сел с богатырями и Хуманом.

РУСТАМ ПРОНИКАЕТ В КРЕПОСТЬ И УБИВАЕТ ЖАНДАРАЗМА

Встал в поле, золотой парчой горя,
Шатер миродержавного царя.

Повсюду были войск шатры разбиты,
Шатрами были склоны гор покрыты.

Когда склонилось солнце в свой чертог
И полумесяц озарил восток,

В кафтане тигровом Рустам великий
Вошел в шатер иранского владыки.

«Позволь в разведку мне пойти на час,
Взглянуть, кто ополчается на нас.

Проверю — правда ль, бич грозит нам божий?
Каков их вождь и кто его вельможи?»

«Твори как знаешь! — отвечал хосров, —
Лишь был бы невредим ты и здоров.

Ступай, да сохранит тебя предвечный,
О мой разумный друг, чистосердечный!»

Надев одежду тюрков, Тахамтан
Пошел, в вечерний погузьясь туман.

Во тьме не узнав стражею ночью,
Проник он в крепость дверью потайною,

Вот так же — к стаду серн крадется лев;
Вошел в чертог, все тайно осмотрев,

И увидал, скрываясь за колонной,
Сухраба он на возвышенье трона.

Направо от него сидел Жанда,
Хуман премудрый — слева, как всегда.

Вокруг сидели — славный лев Барман
И мужи, что прославили Туран.

Огромен был Сухраб, как мощный слон,
Один он занимал просторный трон.

Подобны конским бедрам руки были,
Как кипарис, он — в свежести и силе —

Сиял красой за царственным столом,
Прекрасен ликом, схож с могучим львом.

Сто избранных вокруг него сидело, —
Любой из них, как лев, бесстрашно смелый.

И пятьдесят проворных, верных слуг
Служили им и двигались вокруг.

Пирующие славу возгласили
Сухраба мощи, храбрости и силе.

В тени скрываясь, видел их Рустам
И слышал все, что говорили там.

Беседа шумно, весело текла.
Тут вышел Жандаразм из-за стола,

Увидев за колонной Тахамтана;
Он знал в лицо всех витязей Турана,

Но им во тьме Рустам не признан был.
«Ты кто такой? — Жанда его спросил, —

Поди сюда! Я гляну перед светом...» —
И за руку схватил его при этом.

Рустам его по шее кулаком
Ударил — и Жанда упал ничком.

Не охнув, на пол замертво упал он,
Отвоевал навек, отпировал он.

Когда в начале жизненной весны
Сухраб собрался на стезю войны,

Мать льва-Сухраба — Тахмина — призвала
К себе Жанду и так ему сказала:

«Когда Рустам у нас гостил, тогда
Его в лицо ты видел, мой Жанда.

Будь спутником возлюбленного сына,
А я живу надеждою единой:

Когда он, жаждой подвигов дыша,
Войдет в Иран, ты, светлая душа,

Укажешь сыну, в поле пред сраженьем,
Отца, что ждет Сухраба с нетерпеньем».

Сухраб за чашей вспомнил о Жанде
И у вельмож спросил: «А друг мой где?»

Пошли искать. И видят: за колонной
Ничком лежит он, кем-то умерщвленный.

Когда Сухраб об этом услышал —
Ему напиток сладкий горьким стал.

Вскочили гости в страхе и печали,
Пошли и Жандаразма увидали.

В слезах вернулись, говоря: «Беда!
О государь, увы, убит Жанда».

И встал Сухраб, пошел туда, как дым,
Бедой над ними грянувшей томим.

Певцы сбежались, слуги со свечами.
«Вот он,— сказали,— мертвый перед нами».

Сухраб был удивлен и огорчен,
Советников созвал ближайших он.

Сказал: «Извечный враг насторожен,
Готовьтесь к бою, позабудьте сон.

Забрался в стадо волк в полночном мраке,
Увидел: спят и люди и собаки,

Барана в стаде лучшего схватил
И подло, втихомолку, умертвил.

Мы завтра — помоги, владыка мира, —
Утопчем степь для боевого пира!

Я за Жанду иранцам отомщу,
Я шаха на аркане притащу!»

И снова за столом он сел на ложе,
И воротились с ним его вельможи.

Сказал им лев-Сухраб, «О мудрецы,
Наставники, вонтели, бойцы,

Не стало старшего в беседе нашей...
Почтим же друга поминальной чашей!»

В свой стан вернулся той порой Рустам
И первого он Гива встретил там.

Гив-богатырь в ту ночь стоял на страже.
Он думал, что идет лазутчик вражий,

Схватил он меч, принять готовясь бой,
И поднял крепкий щит над головой.

Увидев, что отважный обознался,
Рустам в ответ негромко рассмеялся.

По голосу Рустама страж узнал,
Сбежал к нему за укрепленный вал.

Спросил: «Эй, витязь, в битвах неуемный,
Куда один ходил ты ночью темной?»

Ответил Гиву Заля славный сын,
Как в стан Турана он ходил один,

Как он проник в твердыню вражьи сил,
Как Жандаразма тайно поразил.

Ответил Гив: «О лев, бесстрашно смелый!
Что без тебя мы все, железотельный?»

Оттуда к шаху Тахамтан пошел,
Подробный обо всем рассказ повел:

О пире, о Сухрабе-великане,
О дивном росте, о могучем стане:

«Нет, никогда не порождал Иран
Таких, как он! — добавил Тахамтан». —

И никогда такого исполина
Я не видал среди туранцев Чина.

Как будто это в прежней мощи сам
Возник передо мною всадник Сам!..»

Сказал, что там Жандой замечен был он,
Как насмерть кулаком его сразил он.

Был шах доволен, дать велел вина,
В беседе тайной ночь прошла без сна.

СУХРАБ СПРАШИВАЕТ У ХАДЖИРА ИМЕНА И ПРИМЕТЫ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ ИРАНСКОГО ВОЙСКА

Как только солнце щит свой золотой
Приподняло над горною грядой,

Сухраб — в величье мощи, в блеске власти —
Сел на коня-любимца темной масти.

Индийским препоясанный мечом,
Блестая царским шлемом над челом,

С арканом на луке седла крутого,
Он выехал — нахмуренный сурово —

На некий холм, чтобы издалека
Все осмотреть иранские войска.

Он привести велел к себе Хаджира,
Сказал ему: «Среди явлений мира

Стреле не подобает кривизна,
Кривая, — в цель не попадет она.

Во всем всегда правдивым будь со мною,
И милостивым буду я с тобою.

Что б ни спросил я — правду говори,
Не изворачивайся, не хитри.

За ложь в расправе короток я буду,
За правду будешь чтим у нас повсюду.

За правду, — я клянусь светилом дня, —
Добра увидишь много от меня.

Счастливейшим ты будешь из счастливых,
Богатство дам, почет, рабынь красивых.

А если ты от истины уйдешь,
Темницу, муки, цепи обретешь».

Хаджир ему сказал: «На все правдиво
Отвечу, что ни спросит царь счастливый,

Все расскажу я, что известно мне;
Душою чужд я лжи и кривизне.

Я жил и говорил всегда правдиво,
Поверь, что нет во мне и мысли лживой.

Душа достойных правдою сильна,
Мне ненавистны ложь и кривизна».

Сказал Сухраб: «Средь вражеского стана
Ты мне укажешь витязей Ирана, —

Богатырей могучих и вельмож —
Гударза, Туса, Гива назовешь.

Покажешь мне Бахрама и Рустама,
Что ни спрошу, — на все ответишь прямо,

Но знай — за ложь сурова будет месть.
Утратишь все — и голову и честь!

Чей там шатер стоит, парчой блистая,
Полами холм высокий осеняя?

Сто боевых слонов пред ним. Смотри —
Синеет бирюзовый трон внутри.

Над ним сверкает желтое, как пламя,
Серпом луны украшенное знамя.

Чья это ставка, что простерлась вширь
Так царственно? Кто этот богатырь?»

Хаджир ответил: «Это шах великий,
Богатырей, слонов и войск владыка».

Спросил Сухраб: «Там, справа, на крыле,
Толпится много войска в пыльной мгле,

Слоны ревут... Чей это там просторный
Средь гущи войска шатер раскинут черный?»

Палаток белых ряд вокруг него,
Слоны и львы стоят вокруг него.

Над ним — слоном украшенное знамя,
Гонцы блестят расшитыми плащами.

На их конях попоны в серебре,
Кто отдыхает в черном том шатре?»

Хаджир ответил: «Со слоном на стяге,
Тус — предводитель войска, муж отваги.

Он родич падишаха, духом горд,
В бою, как слон, неустрашим и тверд».

Сухраб спросил: «Чей тот шатер багряный
Блестит, как день, парчою златотканой?»

Чье голубое знамя над шатром,
Все в жемчуге, украшенное львом?

Чья рать вокруг шатра стоит большая,
Кольчугами и копьями сверкая?

Скажи мне, как вождя того зовут,
Смотри, не покриви душою тут».

Хаджир ответил: «Это — сын Кишвада,
Гударз, отец мой, щит наш и ограда.

С ним восемьдесят витязей — сынов,
Как восемьдесят тигров и слонов.

Пустыня перед ним полна покорства,
Лев с ним не выдержит единоборства».

Сухраб спросил: «А чей там тешит взор
Из шелка изумрудного шатер?»

Как трон, у входа золотое ложе,
Пред ним стоят иранские вельможи.

Звезда Кавы над тем шатром горит.
На троне в блеске царственном сидит

Могучий витязь. Среди мужей Ирана
Ни у кого нет плеч таких и стана.

Сидит — а выше на голову он
Стоящих, чьей толпой он окружен.

Конь перед ним едва ему по плечи,
Где ж конь такому витязю для сечи?

Я думаю, он на стезе войны
Неудержимей яростной волны.

Вокруг его шатра стоят слоны
Индийские, на бой снаряжены.

Я думаю, среди всего Ирана
Нет для него копья и нет аркана.

На знамени его — дракон и льва
Из золота литая голова.

Его я слышу голос, словно гром,
Кто этот воин? Расскажи о нем!»

И вся душа Сухрабова хотела
Услышать: «То Рустам — железотелый!..»

Но иначе судил коварный мир,—
Трусливо правду утаил Хаджир.

Он думал: «Если все скажу я прямо,
Лев этот юный истребит Рустама.

Я скрою правду. Может быть, тогда
Иран минует страшная беда...»

Сказал Хаджир: «Приехал к нам из Чина
Посол, предстал к престолу властелина».

«А как зовут его?» — Сухраб спросил.
Хаджир в ответ: «Я имя позабыл».

Сухраб, чело нахмутивши сурово:
«Как звать его?» — спросил Хаджира снова.

Хаджир ответил: «О владыка львов,
О покоритель тигров и слонов!

Когда предстал он падишаха взору,
Я в Белый замок уезжал в ту пору.

Посла я видел, имя же его
До слуха не достигло моего».

Сухрабу сердце сжала скорбь тисками,
Хотел он слово слышать о Рустаме.

И хоть отец в сиянии венца
Сидел пред ним — он не узнал отца.

Он жаждал слов: «Рустам перед тобою!»
Иное было суждено судьбою.

Все совершится, как предрешено,
Что от рожденья нам судьбой дано.

Под крыльями судьбины роковыми
И зрячие становятся слепыми.

Опять спросил Сухраб: «А это кто ж
Разбил шатер из кеевых вельмож?

Слоны стоят там, всадники хлопочут,
Карнаи там взывают и грохочут.

С изображеньем волка пышный стяг
Под свежим ветром веет в облаках.

На троне муж сидит, а перед тронном
И счета нет почтительно склоненным.

Кто этот славный муж, откуда он,
Кто столь великой властью облечен?»

Хаджир ответил: «Это ставка Гива,
Он — сын Гударза, витязь горделивый.

Он столь высокой властью облечен,
Военачальник кею близкий он,

Любимый зять Рустама Тахамтана,
Ему подобных нет в войсках Ирана».

Спросил Сухраб: «А белый чей шатер
Там, на востоке, у подножья гор?»

Пред ним, в парче румийской, муж могучий.
Вокруг войска теснятся, словно тучи.

Их шлемы словно белые цветы,
И серебром сверкают их щиты.

Парчой украшен белый свод шатровой,
И трон из кости перед ним слоновой.

И все его убранство — дня светлей.
Кто это — самый пышный из князей?»

Хаджир сказал: «То Фарибурз-воитель,
Сын падишаха, славный предводитель».

Сказал Сухраб: «Венец ему к лицу,
А войско поклоняется венцу.

Высок престол, и царственно обличье.
Подходит сыну шахскому величье.

Скажи теперь, кто в желтом том шатре?
Над ним — горя, как тучи на заре,—

Знамена алые и голубые
Полощутся, блестят значки цветные.

На шелке стяга булава видна,
На древке серебром горит луна.

Кто в том шатре? Ты назови мне имя
Богатыря меж львами боевыми!»

Хаджир сказал: «Зовут его Гураз,
Он храбростью прославлен среди нас.

Он старший сын воинственного Гива,
Неутомимый, быстрый, прозорливый».

Отца приметы лев-Сухраб искал,
Но правду от него Хаджир скрывал.

Что в мире смертного произволенье,
Где все предначертало провиденье,

Где тайным все венчается концом,
Заранее решенное творцом?

Отравлен миром, в муках ты изноешь,
Коль счастье в доме временном построишь.

И у Хаджира вновь Сухраб спросил
О том, чье имя в сердце он носил.

О том шатре зеленом на вершине
Холма, о том могучем исполине.

Сказал Хаджир: «Мне нечего скрывать,
Тебе я клялся правду отвечать.

Посол из Чина он,— я полагаю...
А имени его я, шах, не знаю».

«Ты не правдив со мной,— Сухраб сказал,—
Ведь ты Рустама мне не указал.

С войсками все иранские владыки
Здесь на виду, а где ж Рустам великий?

Как может в тайне оставаться тот,
Кого Иран защитником зовет?

Ведь если шах Ирана скажет слово
И тучей встанет воинство хосрова,

Не даст он знака в бой вступить войскам,
Пока не встанет впереди Рустам!»

И вновь открыл Хаджир уста ответа:
«Рустам могучий здесь, конечно, где-то.

Или в Забуле, у себя в горах,
Теперь ведь время пировать в садах».

Сказал Сухраб: «А поведет их кто же?
Нет, это на Рустама не похоже.

Подумай сам: все вышли воевать,
А вождь Рустам уехал пировать?

Нет, не поверю я такому чуду,
Я много говорить с тобой не буду.

Рустама ты покажешь мне сейчас,
И будешь возвеличен ты у нас.

Тебя я высшей чести удостою,
Сокровищницы пред тобой раскрою.

А если тайну будешь ты скрывать,
Хитрить и предо мной бесстыдно лгать —

То будет коротка с тобой расправа.
Сам выбирай: бесчестье или слава.

И притча есть: когда мобед открыл
Хосрову тайну — так он говорил:

«Несказанная истина таится,
Как жемчуг в перламутровой темнице.

И, только долгий плен покинув свой,
Она заблещет вечной красотой».

Хаджир ему ответил: «Если сам
Захочет боя исполин Рустам,

Противоборца ищет он такого,
Что ломит палицей хребет слоновый.

Ты видел бы, каков он — Тахамтан, —
Его драконью шею, плечи, стан.

Ты видел бы, как демоны и дивы,
Бегут, когда идет Рустам счастливый.

Он палицей скалу рассыплет в прах,
Он на войска один наводит страх.

Кто ни искал с Рустамом поединка,
Растоптан был могучим, как былинка.

А пыль из-под копыт его коня,
Как туча, заслоняет солнце дня.

Ведь он владеет силой ста могучих,
Велик он, как утес, чье темя в тучах.

Когда душой он в битве разъярен,
Бегут пред ним и тигр, и лев, и слон.

Гора не устоит пред ним. Пустыня —
У ног его покорная рабыня.

От Рума по Китайский океан
Прославлен в мире воин Тахамтан.

О юный шах, я искренен с тобой, —
С Рустамом грозным ты не рвись на бой!

Хоть видел ты мужей в степях Турана,
Афраснаба знаешь и Хумана,

Но всех туранских витязей один
Развеет в пыль забульский исполин».

И отвечал Сухраб вольнолюбивый:
«Я вижу — под звездою несчастливой

Гударз тебя отважный породил, —
Отца и братьев честь ты омрачил.

Где видел ты мужей? Где слышал топот
Коней в бою? Где взял ты ратный опыт?

Ты только о Рустаме говоришь,
Ты, как на бога, на него глядишь.

Когда я встречу с ним на поле боя,
Вся степь вскипит, как хлябище морское.

Тебе стихия пламени страшна,
Когда спокойно плещется волна.

Но океан зелеными валами,
Затопит землю и погасит пламя.

И мрака ночи голова падет,
Лишь солнца меч пылающий блеснет».

Смолк, отвернулся от него угрюмо
И загрустил Сухраб, объятый думой.

Хаджир подумал: «Если я скажу
Всю правду и Рустама покажу

Туранцу юному с могучей выей,
Тогда он соберет войска большие

И в бой погонит своего коня —
Он навсегда затмит нам солнце дня.

Могучий телом, яростный, упрямый —
Боюсь, что уничтожит он Рустама.

Кто выстоит против него из нас?
Рустам на бой с ним выйдет в грозный час.

А ведь учил мобед нас величавый:
«Чем жить в бесславье, лучше пасть со славой».

Пусть буду я рукой его убит,
Но смерть моя Рустама сохранит.

Кто я? — восьмидесятый сын Гударза,
Я младший сын прославленного барса.

Пусть будет круг богатырей счастлив,
Пусть будет жив завоеватель Гив,

Пусть вечно не увянет мощь Бахрама,
Пусть не падет вовек звезда Руххама!

Пусть я умру, они же устоят
И за меня туранцам отомстят.

Что жизнь мне, коль Иран постигнут беды?
Я помню, как учили нас мобедаы:

«Коль кипарис поднимет к небу стан,
То на кустарник не глядит фазан».

И молвил он Сухрабу: «Ты упрямо
Меня расспрашиваешь про Рустама,—

Отколь такая ненависть к нему?
Зачем тебе он нужен, не пойму?

Зачем ты к неизвестному стремишься,
И в гневе мне расправую грозишься?

А если хочешь голову мне снять —
Руби, не надо повода искать.

Не обольщай себя мечтой незрелой.
И если здесь Рустам слоновотелый,

Поверь — он пред тобою устоит,
И сам тебя во прах он превратит».

НАПАДЕНИЕ СУХРАБА НА ШАТЕР КЕЙ-КАВУСА

Как услышал Сухраб ответ такой,
К Хаджиру повернулся он спиной.

Скрыл от него лицо свое сурово
И больше не сказал ему ни слова.

Ударил кисти тыльной стороной,
Сбил с ног его, в шатер вернулся свой.

Один там, ночи пасмурной угрюмой,
Он долго предавался некой думе.

И встал и препоясался на бой,
Снял с головы венец он золотой,

Надел взамен индийский шлем булатный,
Облек могучий стан кольчугой ратной.

Взял меч, копье и палицу свою,
Как тяжкий гром разящую в бою.

От ярости и гнева весь кипел он,
На скакуна играющего сел он,

И, кажущийся мчащейся горой,
Как опьяненный слон, помчался в бой.

Пыль до луны, как облако, всклубил он —
Ворвался в средоточье вражьих сил он.

Как стадо ланей перед ярым львом,
Войска бежали пред богатырем.

Бежали храбрые пред закаленным
Копьем, в скопленье войска устремленным.

Щит поникал, роняла меч рука,
Страх обуял иранские войска.

Средь боя на совет сошлись вельможи,
Сказали: «Если он не Сам, то кто же?»

Вежд на него без ужаса поднять
Нельзя!.. Кто ж битву может с ним принять?»

Тут загремел Сухраб, как гром небесный:
«Эй, Кей-Кавус, коварный шах бесчестный!

За все грехи ответишь ты сейчас!
Как чувствуешь себя ты в этот час?

Увижу я теперь не льва, а труса,
Когда метну аркан на Кей-Кавуса!

Как в ход пуцу я меч свой и копье,
Я истреблю все воинство твое.

Когда лазутчик твой в наш стан прокрался,
Убил Жанду — я солнцем дня поклялся,

Что перебую вас всех своим копьем,
А шаха на аркан возьму живьем.

Так что ж хвалился ты богатырями?
Где львы твои с могучими когтями?

Где Фарибурз, где Гив, Гударз и Тус,
Где славный лев — Рустам твой, Кей-Кавус?

Где богатырь Занга — любимец битвы?
Пусть выйдут! Не помогут им молитвы!

Что прячутся они? Пускай в бою
Покажут мощь хваленую свою!»

Умолк Сухраб. Мгновенья миновали.
В ответ иранцы в ужасе молчали.

Тут молча лев-Сухраб на холм взошел.
Где был шатер Кавуса и престол.

Ударил. Кольев семьдесят опорных
Свалил под грудую ковров узорных!

Карная рев над войском загремел,
Но шах Кавус собою овладел.

И возгласил: «Эй вы, столпы Ирана,
Скачите в стан Рустама Тахамтана!

Скажите: несказанна мощь его,
И выйти некому против него!

Не выстоит никто против удара
Туранца, кроме сына Зали-Зара».

Помчался в стан Рустама старый Тус,
Все рассказал, что приказал Кавус.

Рустам в ответ: «Всегда, когда владыка
Меня зовет пред царственное лико, —

Я знаю — будет битва. Он всегда
Зовет меня туда, где ждет беда».

Велел Рустам, чтоб Рахша оседлали,
Чтоб войны в готовности стояли.

Взглянул он в поле, видит: полем Гив
Куда-то скачет, густо напылив.

Вот взял Рустам седло из серебра.
Сказал Гургин: «Поторопись, пора!..»

Вот крепко подтянул Рустам подпругу,
А Тус помог надеть ему кольчугу.

Покамест сборы их на битву шли,
Они карнай слышали вдали.

И дрогнула душа у Тахамтана,
Сказал он: «Это битва Ахримана!

Понстине в день Страшного суда
Не над одной душой висит беда!..»

Тут поясом злаченным Тахамтан
Свой препоясал тигровый кафтан.

На Рахша сел Рустам и в путь собрался.
В шатре с войсками Завара остался.

Сказал Рустам: «Здесь будешь ты внимать
Нам издали, как любящая мать».

И понесли знамена пред Рустамом,
Свирепым в гневе и в бою упрямым.

Когда Сухраба увидал Рустам,
Он дрогнул духом: «Впрямь — он воин Сам,

Ни у кого нет груди столь широкой,
Могучих плеч и выи столь жестокой...»

Сказал Рустам Сухрабу: «Отойдем,
В открытом поле ратный спор начнем».

Услыша слово честное такое,
Отъехал в степь Сухраб, взыскуя боя.

Потер ладони он, оружие взял
И так Рустаму весело сказал:

«Поедем, муж! И пусть толкуют люди
О нашем ратоборстве, как о чуде.

Иранцев и туранцев не возьмем,
Мы в поле выедем с тобой вдвоем».

Любуясь, как Сухраб взирает гордо,
Как на коне своем сидит он твердо,

Рустам сказал: «О юный витязь мой,
Над этой степью, хладной и сухой,

Как нынче тепел ветерок весенний!..
Я много на веку видал сражений.

Я не людей — драконов убивал,
И поражений в битве я не знал.

Чудовищ Нила клал я на лопатки,
Ты поглядишь — каков я буду в схватке.

В ущельях снежных гор, в волнах морей
Разил я дивов — не богатырей.

Мне звезд поток — свидетель неизменный,
Что мужеством потряс я круг вселенной.

И сколько видели боев моих,
Не меньше числят и пиров моих.

К тебе во мне вдруг жалость возгорелась,
Мне убивать тебя бы не хотелось.

Таких, как ты, не порождал Туран.
Тебе подобных не видал Иран.

В тебе мне солнце новое явилось!»
Сухраба сердце тут к нему склонилось.

Сказал Рустаму: «Молви правду мне
До основанья о твоей родне.

Скажи мне о Дастане и о Саме,
Порадуй сердце добрыми словами!

Мне кажется, что предо мной Рустам,
Заль-Зара сын, чей предок был Нейрам».

Рустам сказал: «Ты видишь не Рустама,
Я не из рода Сама и Нейрама.

Рустам ведь богатырь, Ирана свет,
А у меня венца и трона нет».

И от души Сухраба отлетела
Надежда, будто солнце потемнело.

Он молча в руку взял свое копьё,
Хоть вспомнил мать и все слова ее.

ПЕРВЫЙ БОЙ РУСТАМА И СУХРАБА

Так в степь они решили отдалиться,
И на коротких копьях стали биться.

Разбились в щепы древки копий их.
Налево повернув коней своих,

Индийские мечи герои взяли
И сшиблись. Искры сыпались из стали.

Казалось, в мире Судный день настал,
Так пламень их мечей во мгле блистал.

Мечи их зазубрились, искрошились.
За палицы тогда они схватились

И сшиблись снова яростней судьбы.
Заржав, их кони встали на дыбы,

Заржали страшно в бешеном испуге,
Разорвались на витязях кольчуги.

Сломались палицы у них в руках,
Рассыпались доспехи на конях.

По телу кровь лилась. Так сшиблись дважды,
Их языки потрескались от жажды.

И стали — юноша и исполин.
Страдал отец, томился мукой сын.

О мир, как дивно круг ты совершаешь —
Ломаешь то, а это исправляешь!

В их душах не затеплилась любовь.
Далек был разум, и молчала кровь.

Онагр в степи детеныша узнает,
И рыба сердца голосу внимает,

Но человек, когда враждой кипит,
И сына от врага не отличит.

Сказал Рустам: «Я и в пучине Нила
Столь гневного не видел крокодила.

Как дивов я громил, весь знает свет,
Моя же слава здесь сошла на нет.

С юнцом каким-то сшибся я. И что же —
Он устоял против меня, — о боже!

Устал я тяжело. В тягость мир мне стал.
Два войска смотрят, — а Рустам устал».

Когда немного отдохнули кони
От сшибок в нападение и в погоне,

Мужи на вызов чести поднялись,
За луки медные они взялись.

Один — юнец, другой — седой и хмурый,
Они надели тигровые шкуры.

Пошли стрелять. От их пернатых стрел
Степной онагр укрыться б не успел.

Летели стрелы гуще листопада.
Скажи: «Стрелять друг в друга им отрада!»

Потом взялись они за пояса,
Рустам как будто за утес взялся.

Когда бы взял он каменную гору,
Он гору б в пыль развеял по простору.

Сухраба же за пояс потянул,
Но и в седле его не пошатнул.

Сухраб сидел в седле, как столп железный,
Рустама мощь была тут бесполезной.

И разошлись они — тот и другой,
Так утомил их долгий, тяжкий бой.

Увяла мощь Рустамовой десницы,
Пред мощью богатырской поясницы.

И вновь Сухраб могучий, полн огня,
В коленях крепко сжав бока коня,

В плечо ударил палицей Рустама,
Так, что Рустамово поникло рамо,

Так, что от боли извивался он,
Ударом богатырским потрясен.

«Эй, муж,— сказал Сухраб,— как
не смеяться?—

Тебе передо мной не удержаться!

Вынослив, крепок конь могучий твой,
Тебе ж не устоять передо мной.

В моей груди ты жалость вызываешь,
Гляди — ты кровью землю обливаешь.

Ты — богатырь, ты станом — кипарис,
Но стар годами, так не молодись».

В ответ ни слова Тахамтан угрюмый.
Он промолчал, объятый тяжкой думой,

Им было горько. Мощь была равна.
И стала им — увы — земля тесна.

И оба друг от друга отвратились,
Умолкли, в размышленье погрузились.

Внезапно Тахамтан рассвирепел,
Как буря на туранцев налетел.

Сухраб же стал топтать войска Ирана,
Как разъяренный слон, от крови пьяный.

Рустам средь боя Рахша повернул,
Раскаившись, он тяжело вздохнул.

Подумал, что в кровавом этом море
И шаха, может быть, постигло горе.

И, повернув коня, в пыли, в дыму
Рустам помчался к стану своему.

Созрело в сердце у него решенье,
Вернуться в стан и прекратить сраженье.

Сухраба грозного — в крови всего —
Он увидал средь стана своего.

И конь его — от гривы до копыт —
Иранской красной кровью был облит.

Как лев, стоял он, кровью обогранный,
Сухраб могучий, битвой опьяненный.

И в ярости Рустам пред ним предстал
И, словно тигр, взбешенный зарычал:

«Эй ты, туранский выродок, убийца!
За что ты губишь слабых, кровопийца?

Ты здесь как в стаде волк, а не в бою,
На мне бы ты истратил мощь свою!»

Сухраб ответил: «Гневом был объят я.
В кровопролитии не виноват я.

Ты первый на туранцев налетел,
Ты сам со мною боя не хотел».

Рустам ему: «Уж поздно. Вечер стынет.
Когда завтра солнце меч свой вынет,

С тобой мы завтра снова выйдем в бой,
И пусть над чьей-то плачут головой.

Ночь мира нынче ляжет между нами,
День омрачен сегодня был мечами.

Но от души, хоть оба мы в крови,
Тебе желаю, — вечно ты живи!»

И разошлись они. И степь затмилась.
Сияньем звездным небо осветилось.

Сказал бы ты — из глины вечных сил
Творец миров Сухраба замесил.

В степи безводной, сколько б ни скакал он,
От верховой езды не уставал он.

Не ровня коням лучшим боевым,
Как из железа — был и конь под ним.

Неутомим в бою, могуч, беспечен,
Чист был душой Сухраб, добросердечен.

Во тьме ночной к войскам вернулся он,
Томимый жаждой, боем утомлен.

Сказал Хуману: «Вечное светило
Сегодня суматохой мир затмило.

Я думаю, достигла вас молва
О витязе, чья длань, как лапа льва.

С ним нынче стан иранский не бесславлен.
Я удивлен был — мне он силой равен.

Побил он много войска моего,
Ему не знал я равных никого.

Он стар, но он как тигр в пылу ловитвы...
Он не насытился смятеньем битвы.

Коль рассказать о нем я захочу,
Я до утра, друзья, не замолчу.

Как юноша, он в бой стремится бодро.
А руки старца — как верблюжьи бедра.

Я не встречал сильнее никого
Богатыря безвестного того!»

Сухрабу отвечал мудрец Хуман:
«Здесь без тебя я охранял твой стан.

В степи я с войском под горой стоял,
Но битвы я, мой шах, не начинал.

Вдруг некий муж с мечом предстал пред
нами,
Верхом, блистая грозными очами.

Напал на нас он, гневом разъярен,
Топтал и гнал он нас, как пьяный слон.

Но вдруг лицом от боя отвратился,
И вскачь к себе в обратный путь пустился».

Сухраб спросил: «Кто ж дал ему отпор?
Кто встал из вас ему наперекор?

Я сам убил их много. Степь полита
Их кровью,— как тюльпанами покрыта.

И знай, что если б — гневом разъярен —
Мне повстречался див или дракон,

Поверь — ни тот, ни этот не ушел бы,
Счет с ними палицей моей я свел бы.

Но что же вы — на бой мой издали
Смотрели и на помощь не пришли?

Какой нам прок в сраженье получился,
Когда один я на майдане бился?

Явись мне в поле тигр иль носорог,
Он от моей стрелы уйти б не мог.

Богатыри в смятенъе предо мною
Рассеялись, как птицы пред грозюю.

Назавтра день проглянет из-за туч
И победит могучий, кто могуч.

Клянусь я тем, кто, вечный мир творя,
Дал жизнь мне — я свалю богатыря.

Вели, чтоб нам вина и пищи дали,
Пора изгнать из сердца все печали.

Рустам войска дозором обходил
И так с печальным Гивом говорил:

«Да, друг, устойчив был Сухраб сегодня,
Над ним, как видно, благодать господня».

Ответил Гив: «Благодаря судьбе
Не видели мы равного тебе.

Но тот юнец рассеял войско Туса
Прошел, как смерч, до ставки Кей-Кавуса.

Разя копьем, он к нам ворвался в стан,
Шатер царя свалил, как ураган.

Блеснул в его руке клинок индийский,
Сбил с головы он Туса шлем румийский.

Не выдержав с ним боя, Тус бежал,
Никто из нас пред ним не устоял.

Лишь ты один, Рустам железнотелый,
Ты устоял пред ним, бесстрашно смелый.

А я, как в древние велось века,
Ждал и не двинул на него войска.

Таков у нас закон единоборства,
Но мощь его, и ярость, и упорство

Всех устрашили. Он напал один,
На наше войско — этот исполин.

Никто на бой с ним выйти не решился,
На нас он, словно буря, устремился.

Ворвался в средоточье наших сил —
Ядро и правое крыло разбил.

Мы содрогнулись перед ним от страха,
Нас ужаснула участь падишаха».

Рустам молчал. Печалью омрачен,
Стопы направил к Кей-Кавусу он.

Царь Тахамтана ждал, навстречу встал он.
«Сядь со мною рядом, друг!» — сказал он.

И сел Рустам и начал свой рассказ:
«Нет, шах мой, ни в Туране, ни у нас

Ни дива я не знал, ни крокодила —
Стель храброго, с такою дивной силой.

Он молод, но искусно бой ведет,
Он так высок, что звездный небосвод,

Казалось мне, плечами подпирает,
Так грузен он, что землю прогибает.

Как конское бедро, его рука.
Но более могуча и крепка.

Оружье от меча и до аркана
Все в ход пустил я против льва Турана.

Я вспомнил, скольких сбрасывал с седла, —
Ведь мощь моя былая не ушла.

И за кушак его со всею силой
Схватил, рванул я. Да не тут-то было.

Его с седла всей силой рук моих
Хотел я сбросить наземь, как других.

И понял я — ничто пред ним та сила,
Что мощь Мазандерана сокрушила.

Он был подобен каменной скале,
Не пошатнулся он в своем седле.

Стемнело уж, когда мы с ним расстались,
В высоком небе звезды загорались.

И мы уговорились меж собой,
Что завтра вступим в рукопашный бой.

А завтра, шах мой, только день наступит —
Бесчестье, может быть, Рустам искушит.

Кто победит? Не ведаю конца.
Судьба в руке предвечного творца...»

Сказал Кавус: «О муж, молю Йездана,
Чтоб истребил ты тигра из Турана.

Я наземь ныне упаду лицом,
Молиться буду я перед творцом,
Чтобы Йездан развеял наши беды,
Чтоб силу дал тебе он для победы.

Чтоб вновь звезда Рустамова зажглась,
Чтоб слава по вселенной пронеслась!»

Рустам ответил: «Внемлет пусть предвечный
Твоей молитве, шах чистосердечный!»

И встал он. И, печальный брося взор,
Ушел Рустам, вернулся в свой шатер.

Вернулся, полон горестных раздумий,
С душою, ночи пасмурной угрюмой.

Рустама встретив, Завара спросил:
«Добром ли день нас этот осенил?»

Еды спросил сперва Рустам. Насытись,
От горьких дум освобедился витязь.

И все он брату рассказал потом,
Что было с ним на поле боевом.

Хоть было два фарсанга меж войскамн,
В ту ночь не спали люди под шатрами.

И так Рустам промолвил Заваре:
«Опять я в битву выйду на заре.

А ты меня спокойно ожидай,
Будь мужествен, в смятенье не впадай.

Веди мои войска, неси знамена,
Ставь золотое основанье трона.

Перед шатрами в поле жди меня,
Я отдохну до наступленья дня.

Чтоб в силе быть и духом укрепиться,
Не нужно мне на битву торопиться.

А если завтра свет затмится мой,
Не подымайте воплей надо мной.

Пусть я паду, ты — и во имя мщенья —
С туранцами не начинай сраженья.

В поход обратный собирай свой стан,
К Дастану поспеши в Забулистан.

Пусть ведает отец наш престарелый,
Что сила Тахамтана отлетела.

И, знать, угодно было небесам,
Чтоб юношей был побежден Рустам.

Утешь, о брат мой, сердце Рудабы!
Что слезы перед волею судьбы?

Скажи, чтоб воле неба покорилась,
Чтоб неутешной скорбью не томилась.

Я львов, и барсов, и слонов разил,
Меня страшились див и крокодил,

Тяжелой палицей крушил я стены,
Служило счастье мне без перемены.

Но тем, кто часто смерть привык встречать,
Придется в двери смерти постучать.

Хоть сотни лет мне счастье верно служит,
Но мир свое коварство обнаружит».

Так долго вел беседу с братом он,
И лег потом, и погрузился в сон.

ВТОРОЙ БОЙ РУСТАМА С СУХРАБОМ

Лишь, грифу ночи разорвавши горло,
Над миром солнце крылья распростерло,

Встал с ложа сна могучий Тахамтан,
Надел кольчугу, тигровый кафтан

И, шишаком железным осененный,
Сел на коня, как на спину дракона.

Сухраб сидел беспечно за столом
С красавицами, с музыкой, с вином.

Сказал Хуману: «Этот лев Ирана,
Что выйдет в бой со мною утром рано,

Он равен ростом мне. Как я — силен,
В бою, как я, не знает страха он.

Так станом, шейей схожи меж собой мы,
Как будто в форме вылиты одной мы.

Внушил приязнь он сердцу моему.
И я вражды не чувствую к нему.

Все признаки, что мать мне называла,
Я вижу в нем. Душа моя вспылала, —

Поистине — он, как Рустам, на вид.
Уж не отец ли мой мне предстоит?

Томлюсь я тяжкой мукой и не знаю —
Не на отца ли руку поднимаю?

Как буду жить я? Как перед творцом
Предстану с черным от греха лицом?

Нет, и под страхом смертного конца,
Не подыму я руку на отца!

Иль светлый дух навек во мне затмится,
И мир весь от Сухраба отвратится.

Злодеем буду в мире наречен,
На вечные мученья обречен.

Душа в бою становится суровой,
Но зло, а не добро в пролитье крови».

И отвечал Хуман: «За жизнь свою
Рустама прежде я встречал в бою.

Ты слышал ли, как пахлаван Ирана
Твердыню сокрушил Мазандерана?

А этот старый муж? Хоть с Рахшем схож
Могучий конь его — не Рахш он все ж».

Весь мир уснул. Свалила всех усталость,
Лишь стража на стенах перекликалась.

Сухраб-завоеватель той порой
Встал с трона, удалился на покой.

Когда же солнце встало над землей,
Он поднялся от сна на новый бой.

Кольчугою стальной облек он плечи,
Надел доспехи, взял оружие сечи.

Витал он мыслью в поле боевом,
И сердце радостью кипело в нем.

И прискакал он в степь, щитом сверкая,
Своей тяжелой палицей играя.

Рустам был там. Как ночь, он мрачен был,
Сухраб его с улыбкою спросил:

«Как отдыхал ты ночью, лев могучий?
Что ты угрюм, как сумрачная туча?»

Скажи мне правду, витязь, каково
Теперь желанье сердца твоего?

Отбросим прочь мечи свои и стрелы
И спешимся, мой ратоборец смелый.

Здесь за беседой посидим вдвоем,
С лица и сердца смоем хмурь вином.

Потом пойдем к иранскому владыке
И перед ним дадим обет великий.

Кто б на тебя ни вышел — мы на бой
Пойдем и вместе победим с тобой.

К тебе мое невольню сердце склонно,
Кто ты такой? — я думаю смущенно, —

Из рода славных ты богатырей?
О родословной расскажи своей.

Кто ты?— вопрос я многим задавал,
Но здесь тебя никто мне не назвал.

Но если вышел ты со мной на бой,
Ты имя мне теперь свое открой.

Не ты ли сын богатыря Дастана,
Рустам великий из Забулистана?»

«О славы ищущий!— сказал Рустам,—
Такие речи не пристали нам.

Вчера мы разошлись и дали слово,
Что рано утром бой начнем мы снова.

Зачем напрасно время нам тянуть?
Не тщишь меня ты лестью обмануть.

Ты молод — я зато седоголовый.
Я опоясался на бой суровый.

Так выходи. И будет пусть конец
Такой, какой предназначтал творец.

На поле боя — всякий это знает —
Мужам друг другу льстить не подобает.

Я многих на веку сразил врагов
И не люблю коварных лживых слов».

Сухраб ответил: «Тщетны сожаленья,—
Отверг мои ты добрые стремленья.

А я хотел, о старый человек,
Пред тем как мир покинешь ты навек,

Хотел я, чтобы разум возвратился
К тебе, чтоб ты от злобы отрезвился

И чтобы мы могли тебя почтить
Пред тем, как в землю черную зарыть.

Ну что ж — я силой рук и волей бога
Твой разум нынче просветлю немного».

И вот бойцы, уже не тратя слов,
Сошли с железотелых скакунов.

И пешие — на бой в открытом поле —
Сошлись они, полны душевной боли.

Как львы, схватились яростно. И вновь
По их телам струились пот и кровь.

И вот Сухраб, как слон от крови пьяный,
Всей мощью рук взялся за Тахамтана.

Он за кушак схватил его, рванул,
Сказал бы ты, что гору он свернул.

Как лютый зверь он на Рустама прынул,
И вскинул вверх его, и наземь грянул.

Свалил он льва среди богатырей
И сел на грудь всей тяжестью своей,

К земле Рустама грузно придавивши,
Как лев, самца-онагра закогтивший.

Поверг спиной Рустама в прах земли,
И было все лицо его в пыли...

И вырвал из ножен кинжал блестящий,
И уж занес его рукой разящей.

Рустам сказал: «Послушай! Тайна есть, —
Ее открыть велят мне долг и честь.

О покоритель львов, о тигр Турана,
Искусен ты в метании аркана.

Искусством ты и силой наделен,
Но древний есть у нас один закон,
И от него нельзя нам отступиться,
Иначе светоч мира омрачится.

Вот слушай: «Кто благодаря судьбе
Врага повалит на землю в борьбе,
То есть такой закон для мужа чести,—
Не должен, и во имя правой мести,
Его булатом смертным он разить,
Хоть и сумел на землю повалить.

И только за исход второго боя
Венчается он славою героя.

И если дважды одолеет он,
То может убивать. Таков закон».

Чтобы спастись от смерти неминучей,
Прибег к коварству Тахамтан могучий.

Хотел он из драконых лап уйти
И голову от гибели спасти.

Сухраб свирепый, с богатырским телом,
Был еще отрок с разумом незрелым.

Доверчиво он внял его словам —
Он думал, что не может лгать Рустам.

Хоть о таком обычае старинном
Он не слышал, поверил он сединам.

И, по величью сердца своего,
Рустама поднял, отпустил его.

И поскакал Сухраб далеко в поле,
Где лани по холмам паслись на воле.

Ловил онагров, ланей он стрелял,
А о Рустаме и не вспоминал.

Темнело... И Хуман предстал пред ним,
Встревожен, как гонимый ветром дым.

И рассказал Сухраб, как победил он
И как живым Рустама отпустил он.

Сказал Хуман: «О витязь, вижу я,
Тебе постыла рано жизнь твоя!

О, горе мощной мышце и плечу,
Руке разящей, грозному мечу!

Ты тигра страшного поймал в тенета
И отпустил,— напрасная охота!

Увы, беда нам завтра предстоит.
Возмездье за поступок твой грозит.

Страшней над нами не было удара,
Чем завтра от судьбы нам будет кара.

А есть завет: «Убей врага, хотя б
Он пред тобой ничтожен был и слаб!»

Умолк Хуман, и к стану поскакал он,
Надежду на Сухраба потерял он.

Ушел, непоправимым потрясен,
В тяжелое раздумье погружен.

«Эй, друг!— сказал Сухраб, догнав
Хумана,—

Утешься, ты увидишь завтра рано,
Лишь выйдет он на бой со мною тут,
Как я надену на него хомут!»

Рустам от вражьих рук освободился,
И, как гора, он духом укрепился.

Как будто вновь он жизнь вернул свою.
Поехал он к потайному ручью.

От жажды у него гортань горела.
Он напился. Омыл лицо и тело

И на колени пал перед творцом,
Перед Йезданом — сущего отцом.

И долго о победе он просил,
Упав перед владыкой вечных сил.

Душой своею небо заклинал он,
Что солнце принесет ему — не знал он.

Не знал он — даст победу небосвод
Или венец с главы его сорвет.

Я слышал — смолоду такую силой
Судьба Рустама щедро одарила,

Что если он на камень наступал,
То ногу в камень тяжко погружал.

И эта мощь, как тягостное бремя,
Томила дух его в былое время.

И он взмолился перед тронном сил,
И кротко, со слезами он просил

Всех смертных одаряющего бога,
Чтоб сил убавил он ему немного.

Пречистый внял Йездан его мольбам,
И облегченье ощутил Рустам.

Теперь же, юным уstraшен Сухрабом,
Представ пред ним в единоборстве слабым,

Взмолился он Йездану: «О творец!
Грозит мне поражение и конец.

Верни всю мощь мне силы необъятной,
Что в юности ты дал мне невозвратной!»

И совершилось то, что он просил,
В нем море поднялось великих сил.

От места потаенного молитвы
Вернулся вновь Рустам на поле битвы.

Полно тревоги сердце у него,
Поблекло от забот лицо его.

Сухраб, как слон, примчался опьяненный,
Арканом и копьем вооруженный.

Онагра догоняя, мчался он,
Как дикий лев, охотой разъярен.

Был конь Сухраба, словно мир, огромен,
Вихрь пыли вился вслед, как туча, темен.

И снова с изумленьем перед ним
Встал Тахамтан, раздумием томим.

Сухраб, приблизясь, увидал Рустама,
Взыграл весельем дух его упрямый.

С улыбкой на врага он своего
Взглянул, увидел мощь и блеск его.

Сказал: «Ты здесь опять, старик бесстрашный,
Из львиных лап ушедший в рукопашной?»

Ты счастье вновь решил попытать со мной,
Эй, муж, хоть ты идешь кривой стезей!

Что? Жизнь тебе, как видно, надоела?
Ты снова тигру в когти рвешься смело?

Вчера уважил старость я твою,
И жизнь твою я пощадил в бою».

И отвечал Рустам слоновотелый:
«Эй, лев Турана, муж бесстрашно смелый,
Что толку в битве от пустых речей?
Ты возгордился юностью своей.
Но, лев могучий, только небо знает,
Кого победа нынче увенчает.
А если счастье лик свой отвратит,
Как мягкий воск становится гранит».

СМЕРТЬ СУХРАБА ОТ РУКИ РУСТАМА

Сойти с коней им время наступило,
Беда над головами их парила.
И в рукопашной вновь они сошлись,
За пояса всей силою взялись.
Сказал бы ты, что волей небосвода
Сухраб был связан — мощный воевода.
Рустам, стыдом за прошлое горя,
За плечи ухватил богатыря,
Согнул хребет ему со страшной силой.
Судьба звезду Сухрабову затмила.
Рустам его на землю повалил,
Но знал, что удержать не хватит сил.
Мгновенно он кинжал свой обнажил
И сыну в левый бок его вонзил.
И тяжело тот вздохнув, перевернулся,
От зла и от добра он отвернулся.
Сказал: «Я виноват в своей судьбе,
Ключ времени я отдал сам тебе.

А ты — старик согбенный... И не диво,
Что ты убил меня так торопливо.

Еще играют сверстники мои,
А я — на ложе смерти здесь — в крови.

Мать от отца дала мне талисман,
Что ей Рустам оставил, Тахамтан.

Искал я долго своего отца,—
Умру, не увидав его лица.

Отца мне видеть не дано судьбою.
Любовь к нему я унесу с собою.

О, жаль, что жизнь так рано прожита,
Что не исполнилась моя мечта!

А ты, хоть скройся рыбой в глубь морскую,
Иль темной тенью спрячься в тьму ночную,

Иль поднимись на небо, как звезда,
Знай, на земле ты проклят навсегда.

Нигде тебе от мести не укрыться,
Весть об убийстве по земле промчится.

Ведь кто-нибудь, узнав, что я убит,
Поедет и Рустаму сообщит,

Что страшное случилось злодеянье.
И ты за все получишь воздаянье!»

Когда Рустам услышал речь его,
Сознание омрачилось у него.

Весь мир померк. Утративши надежду,
Он бился оземь, рвал свою одежду.

Потом упал — без памяти, без сил.
Очнулся и, вопя, в слезах спросил:

«Скажи, какой ты носишь знак Рустама?
О, пусть покроет вечный мрак Рустама!

Пусть истребится он! Я — тот Рустам,
Пусть плачет надо мной Дастан-Сам».

Кипела кровь его, ревел, рыдал он,
И волосы свои седые рвал он.

Когда таким Рустама увидал
Сухраб — на миг сознание потерял.

Сказал потом: «Когда ты впрямь отец мой,
Что ж злобно так ускоришь ты конец мой?

«Кто ты?» — я речь с тобою заводил,
Но я любви в тебе не пробудил.

Теперь иди кольчугу расстегни мне,
Отец, на тело светлое взгляни мне.

Здесь, у плеча, — печать и талисман,
Что матерью моею был мне дан.

Когда войной пошел я на Иран
И загремел походный барабан,

Мать вслед за мной к воротам поспешила
И этот талисман твой мне вручила.

«Носи, сказала, в тайне! Лишь потом
Открой его, как встретишься с отцом».

Рустам свой знак на сыне увидал
И на себе кольчугу разодрал.

Сказал: «О сын, моей рукой убитый,
О храбрый лев мой, всюду знаменитый!»

Увы! — Рустам, стеная, говорил,
Рвал волосы и кровь, не слезы, лил.

Сказал Сухраб: «Крепись! Пускай ужасна
Моя судьба, что слезы лить напрасно?

Зачем ты убиваешь сам себя,
Что в этом для меня и для тебя?

Перевернулась бытия страница,
И, верно, было так должно случиться!..»

Меж тем стемнело. Пал в степи туман.
Рустам же с поля не вернулся в стан.

И двадцать знатных воинов в тревоге
Поехали по ратной той дороге,

Чтобы исход сражения узнать,
Пир начинать им нынче иль стенать.

Вот кони богатырские пред ними
В пыли, но оба — с седлами пустыми.

Рахш потрясает гривую во мгле,
Но только нет богатыря в седле...

Богатыри, подумав, что убили
Рустама, в горе головы склонили.

И поскакали шаху сообщить,
Что нет в живых Рустама, может быть.

Весть страшная, гонцы и конский топот...
Средь войска поднялись и шум и ропот.

Кавус велел скорей тревогу бить,
Велел в карнаи медные трубить.

Сбежались люди пред лицо Кавуса,
И шах призвал испытанного Туса.

Сказал: «На поле битвы поспешай,
Как обстоят дела у нас — узнай.

И если нет Рустама Тахамтана,
Оплачем судьбы нашего Ирана.

Ведь если щит мой — лев-Рустам — убит,
Уйду я на чужбину, как Джамшид.

Мне легче нищенствовать на чужбине,
Чем ваши трупы увидеть в пустыне.

Все силы надо воедино свести,
Врасплох сейчас врагу удар нанести.

И в час один расправиться с врагами,—
Иль бросить все, уйти!.. — Решайте сами!»

Когда над станом шум воинский встал,
Сухраб Рустаму скорбному сказал:

«Я умираю. Все переменялось.
Ты окажи моим туранцам милость.

О всем, что случилось, шаху возгласи,
Чтоб войск на нас не слал он — ты проси.

Я сам хотел завоевать Иран,
Из-за меня поднялся весь Туран.

Прошу — ты с ними обратись достойно,
И пусть они домой уйдут спокойно,

Туранских поднял я богатырей,
Пред ними клялся я душой своей,—

Я обещал им, что себя прославлю,
Кавуса же на троне не оставлю.

Но как я мог предвидеть, что в бою
Ты, мой отец, решить судьбу мою?

Теперь, отец, внемли мое веленье:
Хаджыра здесь держу я в заточенье.

Я тосковал душою о тебе,
Расспрашивал его я о тебе,

Но правды не услышал от Хаджира.
Его сотри ты со скрижали мира.

Он — лживый — нас с тобою разлучил,
Он жизнь мне и надежду омрачил.

Отцовским огражденный талисманом,
Я мчался, верил — встречаюсь с Тахамтаном.

Что ж, небосвод решил судьбу мою,
Что буду я отцом убит в бою.

Так, видно, суждено мне на роду:
Как молния приду, как вихрь уйду».

От скорби захватило дух в Рустаме,
Пылало сердце, тмился взор слезами.

Как пыль, взвился, вскочил он на коня.
Помчался, полон горя и огня.

Предстал он войску своему, рыдая,
Раскаянием горьким дух терзая.

Иранцы, увидав его живым,
Всем войском ниц склонились перед ним.

В слезах они творца благодарили,
Что жив Рустам вернулся, в прежней силе,

Но видят люди: разодрав кафтан,
Прах на голову сылет Тахамтан,

Мужьи спросили: «Что с тобой случилось?
О чем скорбишь? Скажи нам, сделай милость!»

И он, рыдая, войску возвестил,
Как дорогого сына он убил.

И в прах все пали и взрыдали разом,
Вновь у Рустама омрачился разум.

Богатырям Ирана молвил он:
«Вот — тела я и сердца я лишен.

Довольно войн! — не то нам месть господня!
Всем хватит зла, что я свершил сегодня».

В разодранной одежде из шатра,
Рыдая, вышел к брату Завара.

Рустам, увидя плачущего брата,
Поведал все ему, тоской объятый:

«Я страшное злодейство совершил!
Беду такую снести не хватит сил...

Я поразил единственного сына,
Убил я молодого исполина,

Дитя свое убил на склоне лет,
Мне утешенья в этом мире нет!»

Послал гонца к Хуману: «Витязь чести,
Не вынимай меча из ножен мести.

Теперь ты сам, как вождь, войска веди,
Дабы не вспыхнул бой, ты сам гляди.

Причины нет теперь для битвы нам,
И места нет теперь иным словам».

И скорбный Тахамтан сказал: «О брат мой,
Ты проводи туранцев в путь обратный.

До берега Джейхуна проводи,
Чтоб целы все ушли, ты сам гляди».

Дав клятву все исполнить Тахамтану,
Как вихрь, помчался Завара к Хуману.

Поникнув головой, Хуман сказал:
«Увы! Сухраб напрасной жертвой пал!

Хаджир виновен. Меркнет светоч мира
По злобе вероломного Хаджира.

Сухраб не раз Хаджира вопрошал,
Рустама же Хаджир не указал.

Во лжи он потонул, во зле, в позоре,
И нас такое поразило горе...»

Тут Завара к Рустаму поспешил,
Ему слова Хумана сообщил.

Сказал, что из-за низкой лжи Хаджира
Погиб Сухраб, померк светильник мира.

Потрясся духом скорбный Тахамтан,
Кровавый встал в глазах его туман.

Он в крепость прискакал, к Хаджиру прынул,
Взял за ворот его и оземь грянул.

И, выхватив из ножен острый меч,
Он голову хотел ему отсечь.

Сбежались все, Рустама умолили,
От гибели Хаджира защитили.

И возвратился вновь туда Рустам,
Где умирал Сухраб его. И там

Все собрались войска. Там был Руххам,
Там были Тус, Гударз и Густахам.

Пришли почтить Сухраба дорогого,
Все сняли узы языка и слова:

«Иездан лишь может горе облегчить,
Иездан лишь может рану исцелить!»

И возопил Рустам. Взял в руки меч он,
И голову свою хотел отсечь он.

И бросились мужи к нему с мольбой,
И лили слезы перед ним рекой.

Сказал Гударз: «Всем нам погибель, сирым,
Коль ты решил расстаться с этим миром!

Себя мечом своим ты истребишь,
Но сыну жизни ты не возвратишь.

А коль Сухраба должен век продлиться,
Зачем звезда Рустамова затмится?

Никто не вечен. Хоть живи сто лет,
Всяк осужден покинуть этот свет.

И будь то воин или шах Ирана,
Мы — дичь неисследимого аркана.

Наступит время, всех нас уведут
На некий Страшный, на безвестный суд.

Длинна иль коротка дорога наша —
Для всех равно, — дана нам смерти чаша.

Как поразмыслить, то сейчас навзрыд
Оплакать всех живущих надлежит!»

РУСТАМ ПРОСИТ У КАВУСА ЦЕЛИТЕЛЬНЫЙ БАЛЬЗАМ ДЛЯ СУХРАБА, НО КАВУС ОТКАЗЫВАЕТ

Тогда сказал Гударзу Тахамтан:
«Эй, светлый духом славный пахлавани!

Скажи скорей к Кавусу с просьбой слезно,
Скажи, что я бедой постигнут грозной,

Нанес я рану сыну своему
И что я сам за ним сойду во тьму.

И если шах добра не забывает,
Пусть он в беде моей посострадает.

У шаха — это всем известно нам —
Хранится чудодейственный бальзам.

Врачует раны он своею силой,
Дарует жизнь стоящим над могилой.

Так пусть же царь бальзама мне нальет
В кувшин с вином — и поскорей пришлет.

И станет сын мой, к жизни возвращенный,
Подобно мне — слугою вечным трона!»

Гударз коня, как ветер, устремил,
Кавусу то послание вручил.

Сказал Кавус: «Я равного не знаю
Рустаму. Лишь ему я доверяю.

Я не хочу, чтоб видел горе он,
Он мной любим и больше всех почтен.

Но не хочу казниться в укоризне:
Коль сын Рустама возвратится к жизни,

Рустама мощь удвоится — и он
Меня погубит — рухнет Кеев трон...

Рустам сказал мне: «Кто такой твой Тус?
Что для меня и сам ты, шах Кавус?»

Нам тесен мир с двумя богатырями,
С их фарром, палицами и плечами!

Ведь тот Сухраб напал на мой шатер,
Ко мне он лапу львиную простер.

Ведь головы меня лишит он клялся,
Мой череп на кол насадит он клялся.

Он клялся целый мир завоевать,
Ему ль у трона моего стоять?

Да стань он у дверей моих слугою,
К нему теперь я не склонюсь душою.

Когда на стан мой он, как тигр, напал,
Обидные слова он мне бросал.

Он осрамил меня перед глазами
Богатырей моих, перед войсками.

И если он останется в живых,
Останется лишь прах в руках моих.

Коль ты его не помнишь речи дикой,
Ты — не мудрец, Гударз, не муж великий!

Грозил он: «Всех убью, сожгу огнем,
А шаха, мол, повешу я живьем!»

Коль выживет он — от него, пожалуй,
Все разбегутся — и большой и малый.

А кто врага лелеет своего,
Безумцем в мире назовут того».

Гударз, услышав, духом омрачился,
Быстрей, чем вихрь, к Рустаму возвратился.

Сказал он: «Нрав владыки, полн вражды,
Приносит ядовитые плоды.

Нет равного ему в жестокосердьё!
Что труд ему? Что верность? Что усердьё?

Ты сам к нему не медля поспеши,
Не просветишь ли мрак его души!..»

Рустам велел страдавшего жестоко
Сухраба положить возле потока.

Стать близ него он верным приказал,
Сел на коня и к шаху поскакал.

Едва отъехал он — его догнали
Стенающие слуги и сказали,

Что лев-Сухраб покинул этот мир,
Что гроб ему потребен, а не пир.

ПЛАЧ РУСТАМА НАД СУХРАБОМ

Рустам свои ланиты в кровь терзал,
Бил в грудь себя, седые кудри рвал.

Он, спешась, прахом темя осыпал,
Согнулся, будто вдвое старше стал.

Все знатные — в смятенье и в печали —
Вокруг него вопили и рыдали:

«О юноша, о сын богатыря,
Не знавший мира, светлый, как заря!

Подобных не рождали времена,
Не озаряли солнце и луна».

Сказал Рустам: «О, грозная судьбина!
На склоне лет своих убил я сына...

Как дома мне предстать с моей бедой
Перед отцом, пред матерью седой?

Пусть мне они отрубят обе руки!
Умру, уйду от нестерпимой муки...

Я витязя великого убил.

Увы, не знал я, что он сын мне был.

Был Нариман и древний муж Нейрам,
Был воин Заль, и был могучий Сам;

Их слава наполняла круг вселенной.
Я сам был воин мира неизменный.

Но все мы — все ничтожны перед ним,
Перед Сухрабом дорогим моим!

Что я отвечу матери его?
Как я пошлю ей весть? Через кого?

Как объясню, что без вины убил я,
Что сам, увы, не ведал, что творил я?

Кто из отцов когда-либо свершил
Подобное? Свой мир я сокрушил!»

И принесли покров золототканый,
Покрыли юношу парчой багряной.

Мужи Рустама на гору пошли,
И сделали табут, и принесли.

Сложили труп на ложе гробовое
И понесли, рыдая, с поля боя.

Шел впереди несчастный Тахамтан.
В смятенье был, вопил забульский стан.

Богатыри рыдали пред кострами,
С посыпанными прахом головами.

Трон золотой взложили на костер.
И вновь Рустам над степью вопль простер:

«Такого всадника на ратном поле
Ни мир, ни звезды не увидят боле!

Увы, твой свет и мощь твоя ушли!
Увы, твой светлый дух от нас вдали!

Увы, покинул ты предел земли,
А души наши скорбью изошли!»

Он кровь из глаз, не слезы, проливал,
И вновь свои одежды разрывал.

И сели все богатыри Ирана
Вокруг рыдающего Тахамтана.

Утешить словом всяк его хотел,
Рустам же мукой страшную горел.

Свод гневный сонмы жребиев вращает,
Глульца от мудреца не отличает.

Всем равно во вселенной смерть грозит,
И шаха и раба она разит.

Шах Кей-Кавус, узнав об этом горе,
Средь ночи сам к Рустаму прибыл вскоре.

Промолвил шах: «Эй, славный исполин,
Все в мире — от Албурзовых вершин

До слабенькой тростинки — сгинет в безднах,
Размолото вращеньем сфер небесных.

Когда я издалека увидал,
Какой нам новый исполин предстал,

Увидел мощный стан его и плечи,
Его копьё и меч на поле сечи,—

Сказал я — он на тюрков не похож,
Из дома он прославленных вельмож.

Пришел он к нам с огромными войсками,
Увы — твоими он сражен руками!..

О муж, хоть сердцу твоему невмочь,
Чем можешь ты теперь ему помочь?

До коих пор ты убиваться будешь?
Его не оживишь ты, не разбудишь».

Рустам сказал: «Ушел он, мертв лежит,
Но с войском там, в степи, Хуман стоит.

Вельможи Чина, мужи чести с ним,
Ты отрешись от чувства мести к ним».

Ответил шах: «О богатырь, ты знаешь,
Все сделаю я, что ты пожелаешь.

Хоть много зла они мне принесли,
Селенья, города мои сожгли.

Но ты войны не хочешь. Я с тобою
Душой, — нет у меня стремленья к бою.

Чтоб скорбь твою хоть каплей облегчить,
Войскам Сухраба я не буду мстить».

И в степь свою ушли войска Турана...
И шах увел все войско в глубь Ирана.

Увел Кавус войска. Остался там
Над гробом сына плачущий Рустам.

Примчался Завара быстрее дыма,
Сказал: «Ушли туранцы невредимо».

И встал Рустам, в поход свой поднял стан,
За гробом войско шло в Забулистан.

Вельможи перед гробом шли, стеною,
Без шлемов, темя прахом посыпая.

О тяжком горе услышал Дастан,
И весь навстречу вышел Сеистан.

Поехали за дальние заставы, —
Встречали поезд горя, а не славы.

Заль, гроб увидя, в скорби стан склоня,
Сошел с золотоузкого коня.

В разодранной одежде, в горе лютном,
Шел Тахамтан пешком перед табутом.

Шло войско, развязавши пояса,
От воплей их охрипли голоса.

Их лица от ударов посинели,
Одежд их клочья на плечах висели.

Великий стон и плач поднялись тут,
Как был поставлен на землю табут.

Смертельной мукой Тахамтан томился.
Рыдая, перед Залем он склонился.

Покров золототканый с гроба снял
И так отцу, рыдая, он сказал:

«Взгляни, кто предстоит в табуте нам!
Ведь это — будто новый всадник Сам!»

Настала мука горькая Дастану,
Рыдая, жаловался он Йездану:

«За что мне послан этот страшный час?
Зачем, о дети, пережил я вас?

Столь юный витязь пал. Войскам на диво
Он был могуч... Померк венец счастливый.

Не родила в минувшем ни одна
Такого витязя, как Тахмина!»

И долго о Сухрабе вопрошал он,
Каков он был; и кровь с ресниц ронял он.

Когда внесли Сухраба на айван,
Опять, упав, заплакал Тахамтан.
Табут увидев, Рудаба, рыдая,
Упала — кровь, не слезы, проливая.
Взывала: «О мой львенок! О, беда!
Померкла радость наша навсегда!
Тебя сразила сфер летящих злоба...
О, хоть на миг один восстань из гроба!
Мой внук, неужто волей звездных сил
Ты мертвым в дом отцов своих вступил?»
Вновь понесли табут вслед Тахамтана.
Вновь плач и стон звучал среди Сеистана.
И сам Рустам парчою гроб закрыл,
Гвоздями золотыми гроб забил.
Сказал: «Создать из золота сумею
Хранилище — и мускусом овею.
Умру — в веках, как за единый час,
Развеется, что мыслю я сейчас.
Что ж прочное построю для него, —
Достойное Сухраба моего?»
И он воздвиг гробницу из порфира,
Чтобы стояла до скончанья мира.
Устроил, сердце повергая в мрак,
Из дерева алоэ, — саркофаг.
Забил гроб гвоздями золотыми,
Над миром пронеслось Сухраба имя...
И много дней над гробом сына там
Не ведал утешения Рустам.

Но наконец явилась неба милость,
Мук безысходных море умирилось.

Узнав, что в горе стонет Тахамтан,
Весь плакал и скорбел о нем Иран.

О том событье, воротясь в Туран,
Афрасиабу рассказал Хуман.

Та весть повергла шаха в изумленье,
Сказал он: «То не перст ли провиденья?..»

О том, что пал, убит отцом, Сухраб,
В Туране всяк узнал — и князь и раб.

Шах Самангана, — счастья и надежды
Лишенный, — разодрал свои одежды.

МАТЬ СУХРАБА ТАХМИНА УЗНАЕТ О СМЕРТИ СВОЕГО СЫНА

И к Тахмине пришло известье в дом,
Что умер сын, заколотый отцом.

От всех — в своем покое — в отдаленье,
Она рвала одежды в исступленье.

Бушуя, как небесная гроза,
Не слезы — лили кровь ее глаза.

Она вопила в муке, и стонала,
И волосы с корнями вырывала.

Она огонь велела разложить
И волосы свои на нем спалить.

«Ты, сын, сказал: «Иду на бой! Мне верь ты!»
И я надеялась. Но где теперь ты?»

Мой дух, бессонный взор витал мой там
И вопрошал: «Где сын мой? Где Рустам?»

Я думала, что, счастлив неизменно,
Как солнце, ты проходишь над вселенной.

Что ты искал отца, нашел его...
Ждала, чтоб ты домой привел его!

Не чувствовала даже я, что там,
В степи чужой, тебя убьет Рустам.

Что он не дрогнет сердцем пред тобою,
Перед твоею светлой красотой.

День ясный мой померк, поник во тьму.
Кого теперь я, сын мой, обниму?

О, кто разделит скорбь мою со мною?
Ведь нет тебя! Я от тоски изною,

Увы, чертог пустынен, мертв мой сад...
О сын, поник мой дух, померк мой взгляд!

О богатырь, с какой пошел ты силой
Искать отца, а встретился с могилой.

Ты нес в душе любовь, надежду, честь,—
И мертв ты! Горя мне не перенести.

Пред тем как обнажил Рустам кинжал,
Что ж ты мой знак ему не показал?

Что в руки талисман ему не вверил?
Быть может, ты, мой сын, в него не верил?

Что ж я с тобою не пошла тогда?
Всех нас тогда бы минула беда!

Меня Рустам бы издали заметил,
Узнал бы и с любовью нас бы встретил.

Не обнажил бы стали исполин
И не убил тебя бы, о мой сын!»

И так она стонала и рыдала,
Что всякая душа ей сострадала.

При виде исступленья Тахмины
Все были мукой за нее полны.

И были так сильны ее страданья,
Что рухнула царица без сознания.

И вот, едва в себя пришла, опять
Она о сыне начала рыдать.

Роняла слезы над убитым сыном
Кровавые, подобные рубинам.

К коню Сухраба подошла она,
Коня за шею обняла она

И в грудь его и в морду целовала.
Она, казалось, разум потеряла.

И слез ее кровавых ток стекал,
Возле копыт коня блестя, как лал.

И, обнимая, как дитя, одежды
Сыновние, взывала: «Нет надежды!»

Велела принести доспехи, меч,
И лук его, и украшенья плеч.

И, в кровь лицо ногтями раздирая,
Вновь причитала, сына вспоминая:

«Вот меч твой, шлем, кольчуга, вот твой щит!
А ты где, сын мой милый? Ты убит!»

Аркан его велела с булавою
Принести и положить перед собою.

Мечом Сухраба в отблесках огня
Велела хвост отрезать у коня.

Все золото с коней сняла она,
И все дервишам раздала она.

Ворот не отпирать она велела,
Сухраба трон убрать она велела.

Разрушить приказала светлый зал,
Где он перед походом пировал.

И черные завесы, как туманы,
Царевна опустила на айваны.

Сама одеждой синей облеклась
От близких и от мира отрешась.

И день и ночь в тоске была она.
Едва лишь год и прожила она.

И умерла, тоски снести не в силе.
И тут — конец печальной старой были.

КОММЕНТАРИИ

Азар (Азаргушасп)—1. Один из трех главных зороастрийских храмов священного огня в сасанидском Иране, основание храма приписывается царю Гуштаспу. 2. Имя духа огня. 3. Название осеннего месяца в зороастрийском календаре.

Айван — крытая терраса; тронный зал прямоугольной формы, открытый с одной стороны.

Албурз (Эльбурс)— горная цепь на севере Ирана; обиталище сказочной птицы Симург.

Амбра — благовонное вещество черного цвета.

Ахриман — божество зла в зороастрийском пантеоне, источник всего зла на земле.

Бахрам — планета Марс, небесный воитель; популярный персонаж героических и романтических произведений.

Гурган — прикаспийская область Ирана.

Джамшид (Джемшид)— легендарный царь иранского эпоса, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

Джейхун — старое арабское название Амударьи.

Див — дьявол, злой дух.

Забул (Забулистан)— северная часть Систана, удел систанских богатырей Сама, Заля-Дастана, Рустама.

Иездан — бог.

- Кей и Кейаниды — династия легендарных царей Ирана. В переносном значении «кей» — «царь».
- Кулах — головной убор знати, конусообразная шапка, украшенная драгоценными камнями.
- Мазандеран — прикаспийская область Ирана.
- Мобед — зороастрийский жрец; часто употребляется и в значении «мудрец».
- Пахлаван — витязь, богатырь в иранской мифологии.
- Пери — волшебница, фея. В «Шахнаме» по большей части злой дух в образе красивой женщины.
- Руд — струнный музыкальный инструмент.
- Саманган — область, находившаяся в вассальной зависимости от Турана.
- Систан (Сеистан) — область на востоке Ирана. В настоящее время часть Систана находится на территории Ирана и часть — Афганистана. В «Шахнаме» Систан — родина богатырей.
- Табут — погребальные носилки.
- Туран — так называлась страна тюрков. Границей между Ираном и Тураном считалась Амударья.
- Тус — город в Хорасане, неподалеку от которого родился Фирдоуси. В настоящее время — город Фирдоуси на территории Ирана.
- Фарр — божественный ореол, которым по представлению древних иранцев должен был обладать шах.
- Фарсанг — мера длины (от 6 до 12 км), путь, который проходил конь за час.
- Хамаваран — в иранском эпосе так называется Йемен.

Хумай — волшебная птица. Тот, на кого падала ее тень, якобы, становится царем.

Чин — Китай.

Чоуган — клюшка для игры в конное поло, а также название самой игры. В поэзии часто символизирует судьбу.

НА ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

На обложке — сцена охоты. Из рукописи «Шахнаме». XVII в.

На фронтиспise — портрет Абулькасима Фирдоуси. Из фонда Музея литературы имени Алишера Навои. Художник С. Лунев.

Начальная страница полностью переписанной в XVI в. рукописи «Шахнаме». Из альбома, изданного в 1967 году в Тегеране.

Прибытие Маздака во дворец Кубада. Из рукописи «Шахнаме», XVI в.

Миниатюра из рукописи XVII в.

Миниатюра из рукописи XVII в.

Битва Салма и Тура с Манучехром. Из рукописи «Шахнаме». XVI в.

Мавзолей Абулькасима Фирдоуси в Мешхеде.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Ш. Шамухамедова.	
Фирдоуси	3
Рустам и Сухраб. Перевод В. Державина	5
Комментарии	119

ФИРДОУСИ
Рустам и Сухраб
(из эпоса «Шахнаме»)

Перевод с фарси В. Державина

Издательство ЦК КП Узбекистана
Ташкент — 1979

Худ. редактор А. К. Ошейко
Техн. редактор Г. Г. Ломиворотова
Корректор А. С. Ионова

Сдано в набор 21.06.79. Подписано в печать 17.10.79.
Формат $70 \times 90^{1/32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Новая газетная». Печать высокая. Усл. печ. л. 4,68 + 7 вкл.
Уч. изд. л. 4,928. Тираж 200000. Заказ № 999.
Цена на типографской бумаге № 1—65 коп.
на мелованной бумаге — 75 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК КП Узбекистана,
г. Ташкент, ул. «Правды Востока», 28

ББК
Ф 62

Фирдоуси.

Рустам и Сухраб: (Из эпоса «Шахнаме»). Редкол.: Х. С. Сулейманов и др. Т.: Изд. ЦК КП Узбекистана, 1979. — 128 с. + 7 вкл.

Над заг.: АН УзССР. Ин-т рукописей. Избр. лирика Востока.

ББК 84Тад
С(Тад)1